

A close-up, high-contrast photograph of a woman with long dark hair and a tattoo on her shoulder. She is looking down and slightly to the side. A man in a dark suit is partially visible, embracing her. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows.

ALEX D

INSIDER

LAST SECRET

2

Алекс Д

Инсайдер 2

Серия «Инсайдер», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48817908

Аннотация

Во второй части дилогии «Инсайдер» мы узнаем главный секрет создателя засекреченной организации «Розариум». Кто он – Рэнделл Перриш? Безумец, гений, человек со сверхспособностями или социопат, планы и цели которого находятся за гранью понимания обычного человека?

А если нет никакой тайны, специального механизма или секрета в его действиях, и участники «Розариума» попросту мистифицируют то, что не способны понять и проанализировать? Они верят ему, как жители страны ОЗ поверили шарлатану, прячущемуся за ширмой. Что если Перриш играет в свои шарады от скуки, с азартом продумывает каждый ход, передвигая человеческие фигуры в бесконечной партии, которую на протяжении многих лет ведёт с самим собой?

Рэнделл: Мне нравится в тебе то, чего ты стыдишься больше всего. Я завидую тебе. Ты настоящая, ты совершаешь ошибки, падаешь, поднимаешься и идешь дальше. Ты способна меняться, плакать, смеяться, а я могу только наблюдать за тем, как

живут другие, и надеяться на то, что в один прекрасный день перестану испытывать страх навсегда застрять в клетке из четырех стен с трескающимися обоями.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	5
Часть 1	14
Глава 1	14
Глава 2	42
Глава 3	70
Глава 4	125
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Алекс Д Инсайдер 2

Пролог

*– А где же люди? – вновь заговорил наконец
Маленький принц. – В пустыне все-таки одиноко...
– Среди людей тоже одиноко, – заметила змея.
Антуан де Сент-Экзюпери*

США. Кливленд

Реджина

Иногда мне кажется, что вся моя жизнь является чьей-то изощренной игрой или сном, абсурдным путанным кошмаром, который имеет свои светлые промежутки и временные затишья. Короткие моменты сравнительного покоя, которые даруются мне только для того, чтобы я не подохла раньше времени, и тому, кто получает удовольствие от моих мучений, не стало скучно и одиноко, если я однажды все-таки не выдержу и сорвусь. Но я не привыкла жаловаться и обвинять других. Я не питаю иллюзий на свой собственный счет. Самооправдание и жалость к себе – удел слабаков, а мне приходилось быть сильной. Многое из того что случилось в моей жизни, я заслужила, а еще больше притянула сама. Это происходит неосознанно, на каком-то подсознатель-

ном уровне. Меня всегда тянет туда, где вот-вот рванет, в самый эпицентр надвигающейся катастрофы.

Может быть, я просто неудачница или дура, которую ничему не научила жизнь. Или я законченная мазохистка, которая настолько привыкла принимать пинки судьбы, что научилась получать от этого удовольствие, но не перестала сражаться и идти напролом. И я солгу, если скажу, что ничего не пытаюсь исправить. Я все сделала, чтобы поставить точку на своем не самом красивом прошлом. Можно сменить имя, документы, даже корочки диплома, переписать свое детство и юность, но на самом деле даже полная амнезия не сделает нас другими людьми. Тень забытой личности все равно вернется и заполнит чистый лист своими черными кляксами, которые сольются в самые неприглядные картины моего прошлого.

Так случилось со мной. Почти пять лет я была счастлива, но ни на минуту не забывала, кто я, и как быстро все может закончиться. В глубине души я не верила, что мне может достаться такой жирный ломоть счастья и каждый день интуитивно ждала крушения. Неуверенность в себе, как и врожденный инстинкт самосохранения, составляют две крайугольные крайности моей личности. Психолог говорит, что я просто не умею радоваться моменту, жить сегодня, сейчас, что мои комплексы зарыты в детстве, в самом моменте рождения и ощущении собственной ненужности на протяжении долгого периода времени. Психолог говорит, что я...

чувствую себя недостойной счастья, жизни и всего того, что имею сейчас. А еще он говорит, что мне необходимо заполнить пробелы, которые скрывает моя память, чтобы обрести свободу и простить себя. Он все время говорит и говорит, а я только слушаю, ничего не пытаюсь изменить внутри себя. Консультации психолога понадобились не мне.

Я, как никогда, нахожусь в здравом уме... даже сейчас, когда мои руки привязаны к подлокотникам кресла, а глаза завязаны плотной тканью. И я понятия не имею, где нахожусь. Никаких посторонних запахов или шумов, которые могли бы дать наводку. Первые два часа я пыталась кричать и раскачивать кресло, которое оказалось слишком массивным и тяжелым, чтобы я могла его сдвинуть. Руки надежно зафиксированы, а не просто привязаны к достаточно мягким подлокотникам, скручены веревочной петлей, которая ограничивает любое движение и натирает кожу.

Мои отчаянные вопли до сих пор никто не услышал, а значит похитители позаботились о том, чтобы максимально свести риски моего обнаружения к минимуму. Я надорвала голос и смертельно устала, пытаюсь освободиться. Несколько часов оказалось достаточно, чтобы понять – самой мне отсюда не выбраться. Шоковое состояние, которое я испытала, очнувшись в крошечной темноте, обездвиженная, с помутившимся сознанием, до сих пор меня не отпустило и продолжает нарастать с геометрической прогрессией. Паника неподвластная разуму и логическому контролю. Я пыта-

уюсь найти утешение в том, что моя дочь, Эсмеральда, в безопасности. Я надеюсь на это всем сердцем. И только вера в то, что ей ничто не угрожает, оставляет меня такой собранной и не потерявшей рассудок. Человек, который столько раз падал, балансируя между жизнью и смертью, реагирует на стресс иначе, но даже я не могла быть готова к тому, что произошло сегодня.

Мы возвращались из парка после долгой прогулки, направлялись по тротуару в сторону стоянки, где оставили водителя. Я держала болтающую без умолку Эсми за руку, и была немного рассеянна, думала о своем, вместо того, чтобы говорить с дочерью. Няня моей дочери Анна шла в нескольких шагах позади нас, болтая по мобильному телефону. Не было никаких плохих предчувствий, предупреждений, угроз, трагических предпосылок, подозрительных личностей в парке. Солнечное будничное утро, полное привычных тревог и печалей. Я даже обернуться не успела, услышав совсем близко скрип тормозов. Меня грубо схватили, отрывая от дочери. Рука в перчатке зажала рот, и через пару секунд, я уже лежала на заднем сиденье автомобиля. Я не могла кричать и двигаться, ощущая, как постепенно проваливаюсь в бессознательное состояние. Возможно мне вкололи снотворное, но я ничего не почувствовала, почти сразу потеряв сознание. Все, о чем я могла тогда думать, еще до того, как искусственный сон скрыл мой разум от любых попыток сопротивления, были испуганные глаза Эсми в тот

момент, когда нас оторвали друг от друга. И я была благодарна, да, именно так, благодарна, что похититель не тронул мою дочь, что только я одна была его целью. И даже если меня убьют, я буду уверена, что Нейтон сделает все, чтобы обезопасить Эсмеральду. Он сможет защитить ее. В этом я абсолютно уверена. А еще я знаю, что Нейт не остановится, пока не найдет меня. Живой или мертвой. Хотя бы для того, чтобы призвать к ответу.

Сколько раз моя жизнь висела на волоске? Сколько должен вынести один человек, чтобы выдохнуть и сказать, что больше он ничего не боится?

Я не хочу думать, что меня похитили, чтобы убить, иначе, наверное, я бы сейчас не размышляла, кому понадобилась и зачем. Конечно, это могут быть просто бандиты, нацеленные на баснословный выкуп. И Нейтон заплатит его, не раздумывая. Я бы хотела, чтобы это были обычные недоумки, решившие поправить материальные проблемы таким оригинальным способом. И то, что мои глаза завязаны, говорит в пользу этой теории.

Но в глубине души я чувствую, понимаю, что все не так просто. И выкуп тут совершенно не при чем. И это самое страшное, что могло случиться, если я окажусь права. У моего мужа есть завистники и конкуренты, как у любого успешного человека. Его недавно избрали на пост мэра, и я уверена, точнее, точно знаю, что есть те, кого выбор народа не устраивает. Одного из них я знаю точно. Но надеюсь, что

ошибаюсь. Что когда он обещал решить проблему, то не имел в виду мое физическое устранение.

Охваченный страхом и паникой мозг пытается справиться с огромным количеством предположений, но каждый раз где-то на середине логическая цепочка рушится, и я снова чувствую себя беспомощным зверьком, пойманным в клетку. Хрипло всхлипнув, я обращаю внимание на глухое эхо, которого не заметила раньше.

– Кто-нибудь слышит меня? Я здесь! Помогите! – снова надрывая связки, сипло кричу я, и мой голос отражается от стен, давая понять, что я нахожусь в просторном пустом помещении. Возможно, это какой-то склад или заброшенный цех завода, которых немало в пригороде. И я не в Кливленде, иначе были бы слышны звуки автострады.

Может быть, все-таки дело в выкупе...

Только безумец решился бы похитить жену мэра в людном парке на глазах у многих свидетелей для того, чтобы увести ее черт знает куда и там убить. И почему приставленная охрана не сработала? Или не было никакой охраны?

А что, если это Нейтон? Откуда мне знать, как избавляются от неугодных жен в семействе Бэллов?

Нет, я брежу. Нейтон последний, на кого я могла бы подумать.

Внезапно новая волна ужаса окатывает меня с головы до ног, я даже забываю, что пару минут назад хотела в туалет. Даже пальцы на руках и ногах немеют, сердце с бешен-

ной силой бьется о ребра, в то время, как я сама почти перестаю дышать, обращаясь в слух. Я слышу шаги, уверенные, размеренные, неумолимо приближающиеся. Злоумышленник один. Но даже с ним одним я не справлюсь. Я застываю, вжимаясь спиной в кресло, чувствуя, как холодный пот выступает на лбу и подмышками. Черт бы побрал строгие и закрытые узкие платья из плотной ткани, которые я обязана носить, чтобы случайно не скомпрометировать своего супруга цветастыми татуировками по всему телу.

За оставшиеся секунды до неминуемого столкновения, я хаотично пытаюсь выработать стратегию поведения. Черт, да я прекрасно знаю, как вести себя в такой ситуации, но страх сильнее, он блокирует разум, логику, он превращает меня в жалкую трясущуюся и потеющую трусиху, не способную бороться за свою жизнь. Мне нельзя показывать в какой панике я нахожусь, и уж точно крики и истерики не помогут понять, есть ли у меня шансы выбраться из этой заварушки с минимальными потерями.

Скрип несмазанных петель раздается где-то совсем близко, в каких жалких метрах от меня, и снова шаги, но теперь они звучат четче, гулко разбивая тишину, наполняя меня суеверным ужасом. Я не могу ничего с собой поделать, и жалко всхлипываю, ощущая негативные вибрации, исходящие от человека, который приближается ко мне, твердо ступая по полу тяжелыми ботинками, под которыми скрипит песок.

– Пожалуйста... Мой муж заплатит выкуп, – жалобно пишу я, совершая распространенную ошибку жертв, которые подверглись похищению. Нельзя умолять, это может разозлить преступника, спровоцировать его на насилие. Если ему нужны деньги, он заговорит сам. А если... Боже, я вздрагиваю, словно только что получила ожог всего тела, когда меня пронзила мысль, которая не приходила раньше. Возможно, я намеренно гнала ее от себя, надеясь на обычное похищение ради выкупа.

Я вдруг осознала, в каком именно положении нахожусь. Не в состоянии души, пребывающей в агонии ужаса и страха, а именно – в положении тела. Я сижу в кресле, мои руки привязаны к подлокотникам. Судорожное дыхание срыгается с губ, когда неизвестный останавливается в нескольких шагах от меня. В памяти мелькают обрывки уголовных дел, о которых пестрили заголовки газет в разные промежутки времени.

Две женщины, погибшие женщины... Разница только в том, что у них не были завязаны глаза, но что мешало убийце снять повязку перед тем, как он закончил с ними?

О черт, если это он...

Почему я никогда не верила, что это может быть он?

Меня сотрясает крупная дрожь, и я издаю невнятное мычание, когда ощущаю прикосновение пальцев в кожаной перчатке к своему подбородку. Жестко обхватив его, мужчина поднимает мое лицо, и я не могу встретить, но ощущаю его

взгляд на себе, тяжелый, пронзительный, убивающий меня взгляд. Сила и уверенность, исходящие от его тела, сокрушают меня, превращая в пепел все мои теории и предположения.

– Скажи мне, что это не ты... – шепчу я едва слышно, но уверена, что он понял.

– *Расскажи мне, что ты чувствуешь, Лиса.*

И я цепенею, застываю, каменею, мгновенно лишаясь возможности дышать, слышать и воспринимать реальность. Запястья, перетянутые веревкой, начинают мелко дрожать, и я слышу шум тока собственной крови в ушах. Пульсирующая боль сдавливает виски, пока разум пытается справиться с шоковым состоянием. Сколько бы версий я не перебирала, как далеко бы не зашла в своих предположениях и подозрениях, мне никогда бы не пришло в голову, что я могу услышать *этот голос*.

Часть 1

Глава 1

«— На твоей планете, — сказал Маленький принц, — Люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

— Не находят, — согласился я.

— А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе...»

Антуан де Сент-Экзюпери

Пять лет назад

Рэнделл

— Ответь мне, Рэн! Мать, твою, скажи хоть что-нибудь, — я слышу над собой рокочущий голос Роббинса, доносящийся до меня, как через слой ваты. Пытаюсь сфокусировать взгляд на лице адвоката, но ничего кроме вращающихся вокруг меня темно-серых стен камеры ничего не вижу. Сердце отбивает бешеный ритм, одежда насквозь пропитана холодным потом, мелкая дрожь сотрясает тело и одновременно я чувствую частичное онемение конечностей. Но это даже не самое страшное. Можно ли побороть то чувство, которое является твоим главным оружием, главным козырем в игре, правила которой были установлены много лет назад и доведены

до абсолютного совершенства? Я бы не смог достичь и то-лики того, что имею, если бы не знал на собственном опы-те, каким мощным и сокрушительным может быть это чув-ство. Но сейчас именно оно управляет мною, заполняет раз-зум, как кислота, сжигающая все попытки сопротивления. Черт, я ощущаю, как очередной спазм сжимает желудок, и я тянусь к пластиковому тазу, чтобы добавить туда порцию желчи. Все остальное вышло из меня еще вчера, если, конечно, я не запутался во времени.

– Окна открой, – скрипучим голосом прошу я.

– Перриш, это невозможно, – отвечает Мартин. – Ты, во-обще-то, в камере предварительного заключения. Мне стои-ло немалых усилий договориться со следователем, чтобы те-бя перетащили в более комфортную, если так можно сказать о камере.

– Перетащили? – хрипло уточняю я, чувствуя, как новый приступ удушья сжимает легкие. После нескольких попыток мне удастся втянуть немного воздуха.

– Да. Ты не мог идти. Вырубился, как только заперли дверь. Они прислали тебе своего медика, который посовето-вал вызвать судебного психотерапевта, но я категорически отказался. У тебя клаустрофобия?

– Да, – киваю я через силу, пытаюсь приподняться. Голо-вокружение усиливается, и я опять тянусь за тазиком, не чув-ствуя своих рук, и пытаюсь абстрагироваться от ощущения кружения пространства. Я долбанный андронный коллайдер,

разгоняющийся до скорости света.

– Дерьмово, Рэн. Это можно, конечно, использовать, но еще несколько суток тебя все равно тут продержат. Диагноз есть? Имеется в виду официальное заключение?

– Нет.

– Дерьмово, – повторяет Мартин. Будто я сам не знаю, в какой заднице оказался. В прошлый раз было не так хреново, но тогда меня держали несколько часов.

– Мне нужно, чтобы ты подтвердил алиби. Без этого никак, – сообщает он официальным тоном.

– Я ее не убивал...

– Да знаю я, – кивает Мартин. Лицо адвоката двоится, но я по-крайней мере вижу его более четко, чем минуту назад. Красные и белые искры все еще мелькают перед глазами, что вызвано кислородным голоданием и резким сужением сосудов. Приступ медленно отпускает, но может усилиться в разы, если я не выберусь отсюда в ближайшее время.

– Пусть откроют окна. Там же решетки. Мне просто нужен воздух. Шеф полиции Райт... Позвони ему, – прерывисто говорю я, пытаюсь вдохнуть глубже.

– Я уже звонил. Тебя, кстати, с его разрешения и перевели в почти царские условия. Меня, вообще, здесь быть не должно.

– Окна, Мартин. Бл*дь, – меня снова выворачивает наизнанку. Пальцы, удерживающие пластиковую емкость дрожат сильнее. Панический беспричинный страх пульсирует в

крови. Я чувствую, как меня вырубает.

— Черт! Только не отключайся снова. Я не перенесу еще раз эту жуткую кар... — я не слышу остаток фразы, проваливаясь в темный лабиринт, теряя связь с реальным миром. Но в отличие от Роббинса, я четко понимаю, что со мной происходит. Я в совершенстве владею информацией о своем недуге. Но знание проблемы не облегчает ее решения. С годами приступы стали сильнее. Возможно, потому что я не пытаюсь побороть их, а строю окружающее пространство так, чтобы не допустить подобной ситуации. А сейчас зона моего комфорта нарушена, и я потерял контроль. И я подышаю, мать вашу. Реально подышаю. Озноб замещается обжигающей лихорадкой. Если пять минут назад я обливался холодным потом, то сейчас все внутри меня пылает. Как долбаный огнедышащий дракон из японской мифологии. И даже в отключке продолжаю трястись и конвульсивно дергаться. Тело то и дело хаотично сводит судорогой, рвотные спазмы сжимают желудок, и мне кажется, что потолок с ярко-светящимися в глаза лампами опускается прямо на меня. И это пугает настолько, что я чувствую себя человеческой отбивной, размазанной колесами катка по асфальту.

Когда я прихожу в себя через неопределенный промежуток времени, то ряд симптомов отсутствует. Я начинаю ощущать свое тело, жесткий матрас и подушку под головой. Посторонние запахи раздражают обонятельные рецепторы. Роббинс пользуется резким парфюмом. Взгляд устремляет-

ся в сторону серой стены с небольшим окном. Открытым. Фокусирую на нем все свое внимание, пытаюсь абстрагироваться от неприятных ощущений.

– Райт едет сюда, – произносит Мартин. Раз он все еще здесь, значит, я не так долго был без сознания. – Но и он сказал, что не сможет замять дело, если ты не сообщишь, где находился в момент убийства Линди.

– Я предоставлю, – сипло отвечаю я, приподнимая голову. – Мне гораздо лучше.

– Уверен? – спрашивает Мартин. Я смотрю на него, отмечая тот факт, что он больше не двуликий, как древнеримский Янус.

– Относительно, Мартин. Увереннее в моем положении я ответить не могу. Сколько я здесь?

– Четвертые сутки. Первый раз ты забился в припадке еще в комнате для дознания, перепугав детектива Штейна. Да и меня, если быть откровенным. Последующие дни провел в отключке. Ты сможешь еще продержаться?

– Недолго, – признаю я очевидное. Черт, я думал, что меня привезли вчера. Четыре дня! Херова туча времени потеряна зря. – Не выношу замкнутые пространства. Договорись с Райтом, чтобы все допросы проводились в комнатах, где есть окна.

– Ты думаешь он разре...

– Он разрешит, – резко перебиваю я. – Просто передай ему мою просьбу.

– Хорошо, Рэн. Я понимаю, что с тобой лучше не спорить в таком состоянии. Давай к делу. Что насчет алиби?

– Вот пристал, – снова падая на подушку, произношу я надтреснутым голосом. – Я предоставлю все, что необходимо.

– Отлично, – удовлетворенно кивает Роббинс.

– Есть одно условие.

– Какое?

– Информация, которую я предоставлю останется в этих стенах. Никакой огласки.

– Я решу вопрос, Рэн. Не сомневайся. Я хоть раз тебя подвел? – кривая улыбка на лице Мартина явственно намекает на обстоятельства нашего последнего «дела». Если бы я мог усмехнуться, если бы был способен управлять собственной мимикой, то сделал бы это. *«Я хоть раз тебя подвел?»* Сколько раз за свою чертову жизнь я слышал эту фразу?

– Забудь обо всем, что было в отеле, – отрезаю я металлическим тоном. – Девушка не твоя забота, Роббинс. И больше не моя. Я отпустил ее в свободное плавание.

– И я тебя понимаю, – удовлетворенно хмыкнул Мартин. – Хотя такая горячая крошка Розариуму бы не помешала.

– Она не подходит, – категорично произношу я и добавляю: – Итан был прав.

– Кстати, об Итане, – мрачно начинает Роббинс, заставляя меня внимательно взглянуть на него. – Тут такое дело... – мнется он.

– Говори, не размазывай сопли.

– Он, согласно распечатке, отправил тебе за день до убийства Линди сообщение, где предупреждал о том, что она наняла адвоката и готовится разнести тебя в пух и прах в суде.

– Я его не читал. Это же можно проверить, – хмурюсь я, пытаюсь проанализировать услышанное. Я действительно не знал, что Лин собралась устроить юридическую войну.

– Да, но ты же мог выяснить и другими способами. Я так не думаю, но вот детектив может предположить. К тому же Хемптон намекнул в том же сообщении, что Лин знает много личного о тебе... Хммм... того, что лучше не придавать огласке. Это так?

– Да, – киваю я после небольшой заминки. Шум в ушах усиливается по мере учащения дыхания и тарабаниющего, словно молот, сердца. Я перевожу взгляд на окно, пытаюсь успокоить пульс равномерным дыханием. Бл*дь, я нуждаюсь в холодном душе, чтобы смыть себя пот и омерзительный запах блевотины, но не уверен, что переживу банные процедуры в закрытом пространстве. Это может многим показаться диким, но в моем доме даже стены ванной комнаты и туалета сделаны из стекла. Разумеется, что снаружи оно тонировано. Однако те редкие гости, которые приходили ко мне, предпочитают справлять нужду в другом, традиционном туалете. Никому не хочется сидеть на унитазе на глазах у всего города, даже если ты знаешь, что стекло с обратной стороны непрозрачное. Зрительное восприятие для человека ино-

гда важнее голоса разума. «Самого главного глазами не увидишь», так, вроде, говорил Маленький Принц Экзюпери. И я согласен с ним на сто процентов. Он понимал в устройстве мира куда больше, чем многие ученые, получившие Нобелевскую премию за свои открытия.

– Эти обстоятельства могут всплыть в ходе расследования? – осторожно спрашивает Роббинс.

– Расследование необходимо направить в другое русло, – резко отвечаю я. – На поиски убийцы, а не полоскание моего грязного белья. Хотя, я сейчас с удовольствием бы пополоскал себя.

– Ну, да, воняешь отвратительно, – поддакнул Мартин и тут же заткнулся, когда я одарил его уничтожающим взглядом.

– Что сейчас есть у следствия по факту? – спросил я.

– Немного. Почерк тот же, что и в случае с твоей матерью, – Мартин встает со стула, на котором сидел, и неспешно проходит к окну, убирая руки в карманы пиджака. – Обе были связаны в положении сидя, руки за спиной. На месте преступления никаких следов взлома или сопротивления, что говорит о том, что жертвы могли знать преступника. Тринадцать проникающих ранений в область грудной клетки, нанесенных острым колющим предметом. Ну, и прямая связь обеих жертв с тобой. Выглядит все это не очень, учитывая назревавший бракоразводный процесс и возможный слив конфиденциальной информации, которой владела твоя

жена. Плюс именно ты нашел ее на месте преступления, и выглядел при этом немного странновато и жутковато.

– Ты бы вряд ли выглядел лучше, если бы второй раз в жизни столкнулся с подобным зрелищем, – сообщаю я, отгоняя тут же встающие кровавые картинки перед глазами.

– Рэн, я не детектив, не прокурор, – произносит Роббинс сдержанным тоном. – Я твой адвокат. Мне можешь ничего не объяснять. Если ты говоришь, что не убивал, я придерживаюсь этой же версии.

– А если я скажу, что убил? – предполагаю я, пристально глядя в голубые глаза Роббинса.

– Тогда я выберу другую тактику, – тут же бесстрастно отвечает он.

– То есть тебе все равно? – уточняю я.

– Нет. Я просто верю тебе на слово, – качает головой Мартин. В непроницаемых глазах нет ни тени сомнения. Вот же хладнокровный ублюдок.

– Вранье! – грубо отвечаю я. – Ты думаешь я способен убить свою мать? А потом жену?

– Судя по фактам, ты не был особо привязан ни к той, ни к другой, – бесстрастно заявляет адвокат.

– Это тоже ложь. Я любил обеих. То, что они меня разочаровали, не имеет никакого отношения к моим чувствам сейчас.

– Хорошо, – сдержанно кивает Мартин. Опускает голову, словно раздумывая над чем-то, а потом смотрит мне в гла-

за. – Ты уверен, что не делал этого? Твои приступы... я консультировался, они могут сопровождаться кратковременной потерей памяти.

– Я знаю. Это не тот случай. В моем доме созданы все условия для того, чтобы я не испытывал дискомфорта. И Лин не должно было там быть. Мы давно не живем вместе.

– Я об этом слышал, как и половина Кливленда, я думаю. – Мартин в притворном смущении отводит глаза, изображая мужскую солидарность. – Она вела себя так, что у тебя реально был повод.

– Меня не волновала ее личная жизнь, Мартин, – нейтрально сообщаю я. – Я просто хотел, чтобы она исчезла из моей.

– Совершенно не волновала? – внимательный пристальный взгляд задержался на моем лице. – Мне, как мужчине, сложно представить ситуацию, в которой я бы забил на то, что моя жена ложится под каждого и еще рассказывает о том, что я полный ноль в постели.

– Верить или нет – выбор каждого, Роббинс. Меня беспокоили исключительно ее попытки вернуться в мою жизнь.

– То есть... – Мартин даже немного растерялся. – Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что Лин устроила этот балаган, чтобы заставить меня увидеть ее, обратить внимание. У нее не вышло.

– Это охереть как жестко звучит, Рэн, – хмыкнув, качает

головой Роббинс.

– Возможно, – невозмутимо соглашаюсь я.

– Ты никогда думал о том, чтобы дать ей шанс?

– Я похож на идиота? – скептически переадресовываю вопрос.

– Я просто уточнил. Когда начнется допрос, ты услышишь вопросы пожестче, чем те, который задал я. Ты должен быть готов.

– Дай мне пять минут с Райтом и допроса не будет, – уверенно сообщаю я.

– Он тоже у тебя на крючке? – Мартин не выглядит удивленным, но ему необходимо подтверждение.

– Как и многие другие в различных структурах власти Кливленда, – невозмутимо киваю я.

– Тогда нам не о чем беспокоиться, – натянуто ответил Роббинс. – И последний вопрос, Рэн. Это для меня. Не для протокола. Сожалеешь о том, что Линди погибла?

Я опускаю глаза вниз, на свои руки. Безымянный палец все еще хранит белесую полоску от обручального кольца. Когда-то я любил ее очень сильно. Мы были по-настоящему счастливы.

– Однажды Лин спасла меня, Мартин, – немного охрипшим голосом произношу я, сгибая и разгибая пальцы. – Со стороны я могу показаться безжалостным неблагодарным подонком. Уверен, что именно так она и считала. Но я никогда не желал ей зла. Знаешь, для большинства людей су-

существует понятие «между». Между да и нет, между вчера и сегодня, между прошлым и будущим, между люблю и ненавижу, между никогда и может быть. Для меня таких понятий не существует, Роббинс. И если вчера я любил ее, но она не оправдала моих надежд, то сегодня ее в моей жизни не будет. Нет ничего проще, на самом деле. Это то, что должен уметь делать каждый. Сбрасывать груз совершенных ошибок. Не она ошиблась, выбрав меня. А я. Я не разглядел ее истинное лицо. Заблуждения или мои фантазии и первая серьезная влюбленность не позволили мне понять, что я связал свою жизнь не с тем человеком.

– И что же Лин такого сделала? – полюбопытствовал Роббинс. Я ответил ему холодным, отсутствующим взглядом. – Не думаю, что ее развеселый образ жизни начался, когда вы еще ладили.

– Мы и не ссорились, Мартин, – бесцветным тоном произношу я, глядя как ветер раскачивает раму окна. – Ты не слышишь меня. Она просто осталась в том дне, где я оставил мысли о ней.

– Наверное, это чертовски сложно и требует огромных внутренних сил, чтобы мгновенно вычеркнуть человека из жизни.

– Нет. На самом деле нет ничего проще. Гораздо сложнее любить. А когда любовь уходит, то и сложностей не остается. Она долгое время заставляла меня верить в то, что является единственной, что подобных ей нет. Даже не заставляла, я

сам был рад обманываться.

– А потом ты увидел целый цветник других красавиц? – с понимающей улыбкой спросил Мартин. Я с недоумением смотрел на него. Вот мы говорим с ним о девушке, которая умерла в возрасте тридцати лет, а он улыбается. Кто из нас более ненормальный?

– Я не видел других женщин, пока видел ее, Мартин. И в моем случае это требует максимальной отдачи. Если человек любит другого, то он не сомневается, не пытается искать скелеты в его шкафу, а любит его так – вместе со скелетами.

– Я вряд ли смогу понять, что ты пытаешься сказать, – сдался Роббинс. Я снова поднял взгляд к окну. Я знал, что из того, что скажу сейчас Мартин снова ничего не поймет, но иногда мне самому нужны слова, необходимо проговорить то, что царапает душу изнутри.

– В тот момент, когда я увидел Лин, увидел мертвой... Когда я понял, что произошло, то осознал, что во многом моя теория отношений оказалась неверной. Я должен был научить ее отпустить меня так же, как сделал это сам. Или защитить ее. Моя ошибка в том, что я просто выпустил ее из клетки на волю, закрыв дверцу, а она не переставала биться о прутья, пытаясь вернуться назад.

– Мы все ошибаемся, парень.

– Только не я, – стиснув челюсти, качаю я головой. – Есть человек, который идет по моим пятам. Он дышит мне в спину, выбирая для удара момент, когда я больше всего уязвим.

– Ты говоришь об убийце? Есть догадки? Думаешь, что знаешь его? Точнее, я уверен, что знаешь. Все это смахивает на личную вендетту. – Тут же ухватывается за мои слова адвокат.

Я поднимаю руку, чтобы потереть пульсирующие виски. И мое сердце все еще надывается от слишком быстрого ритма, и дышу я все так же прерывисто, но способность мыслить и говорить связно возвращается, что не может не радовать.

– Я не знаю, кто он, – четко отвечаю я, чувствуя на себе настойчивый недоверчивый взгляд Роббинса. Я понимаю его сомнение и подозрения в отношении правдивости моих слов. Но я должен сам разобраться, сам решить проблему. А если не справлюсь... Если не справлюсь, то в следующий раз привязанным к стулу с проникающими тринадцатью ножевыми ранениями в область грудной клетки найдут меня. О да, это было бы фееричным завершением моей жизни. Я остался бы в памяти городка как самая загадочная и таинственная личность за всю историю его существования. Людям свойственно мистифицировать то, что они не понимают. Я даже думать не хочу какими теориями пестрили бы заголовки газет в случае подобного исхода. Сейчас они наверняка все кричат о том, что Рэнделл Перриш снова взялся за нож и ему опять все сойдет с рук. Осталось немало уверенных после истории с Корнелией, в том, что именно я убил ее, я тот злодей, которого полиция не смогла задержать за неимением прямых улик и доказательств. Я никогда не пы-

тался никого убедить в том, что я совершал или не совершал.

За несколько месяцев до ее смерти я узнал о существовании Гарольда Бэлла. Точнее, я знал о нем из газет и новостных рубрик, как о финансисте, банкире и одном из основателей города, я не раз видел его выступления по телевизору, который мы любили смотреть вместе с Лин по вечерам после выматывающего секс-марафона.

Однако личное знакомство состоялось при совершенно неожиданных обстоятельствах. Я приехал к матери без предупреждения, открыл своими ключами, и сразу понял, что в квартире посторонний. Меня насторожил тон разговора Корнелии с клиентом, как и его голос, который показался мне смутно знакомым. В напряженном разговоре звучали имена, и у меня не осталось никаких сомнений, что мать проводит консультацию для самого богатого человека в Кливленде. Бизнесмена, который владел автомобильными заводами, фабриками по изготовлению энергосберегающих ламп и многими другими предприятиями, объединившимися под названием одного крупного холдинга «Бэлл Энтерпрайз». Многопрофильность его интересов не раз заставляла меня углубляться в биографию этого человека-легенды, и вот я стою под дверью, слушая, как он угрожает моей матери. А в том, что его слова содержали угрожающий посыл, сомнений не было. Я вслушивался в каждое слово, произнесенное с раздраженной требовательной интонацией. Мать отвечала ему тихим, немного растерянным голосом.

– Ты уедешь отсюда, Кони. Этот город стал слишком мал для нас двоих. Убейся, иначе мне придется решить проблему по-своему. Ты хочешь этого?

– Как ты можешь угрожать мне после всего, что сделал?

– Если хочешь, чтобы тебя оставили в покое – убейся. С твоими талантами ты сможешь неплохо устроиться в любом штате.

– Ты же знаешь, что я не беру деньги.

– Потому что ты плебейка и идиотка. Сумасшедшая дура с принципами гордой голодранки. Мой отец предлагал тебе выгодные условия, от которых ты отказалась.

– Твой отец наглядно показал, насколько выгодными могут быть условия, о которых ты говоришь.

– Нужно было просто взять деньги и исчезнуть, когда я тебя попросил. Ты не имеешь права так говорить об Эрике Бэлле. Он создал этот город, шаг за шагом поднял его с колен после Великой депрессии. Пока ты сидела тут, как крыса, прячась от внешнего мира, мой отец создавал новые рабочие места, строил заводы и дороги. А теперь я и мои сыновья продолжаем его дело, а ты продолжаешь сидеть тут, раздавая советы моим партнерам о том, как им следует вести свои дела. Мне нужно чтобы ты уехала, Корнелия. Ты мешаешь мне.

– Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

– Твоя больная голова не является оправданием. Это мое последнее предупреждение.

– Я могу подумать?

– Да, подумай. А потом вернусь, и если найду тебя здесь, то мне придется принять радикальные меры.

– Почему бы тебе просто не забыть о моем существовании.

– Ты знаешь почему. Знаешь! И слишком много людей в последнее время рассказывают мне о некой особенной женщине, которая помогает решить любые проблемы парой фраз. Я предлагаю тебе решить свои собственные проблемы. И как можно скорее. Поняла меня?

Я не слышал, что ответила Корнелия. Возможно, просто кивнула. Услышав уверенные шаги, приближающиеся к двери, я предпочел скрыться на кухне, чтобы не столкнуться с Бэллом лично.

Но когда он ушел, мне пришлось подвергнуть мать допросу. Я никогда не разговаривал с ней на повышенных тонах, но в данном случае у меня просто не было другого выбора. И она сама бы не заговорила о нем. Я вынудил Корнелию сказать мне правду, которая уничтожила образ, который я годами видел перед собой. Единственный образ в четырех стенах, являющихся моей вселенной. В тот день у меня случился приступ прямо на полу в гостиной на глазах у перепуганной матери.

Есть призраки, которые лучше не воскрешать из могил, оставив там, где им место. Но я уже не мог остановиться. Я должен был раскопать их всех...

Возможно, если бы я не пришел к ней тогда, все сложилось бы иначе. И главная партия всей моей жизни не оказалась бы такой сложной и в то же время увлекательной.

А сейчас я снова нахожусь в камере под подозрением в очередном убийстве близкого мне человека.

Как и Корнелия, моя мать, Линди имела контакт с Гарольдом Бэллом, и как в первом случае, я воспринял это, как предательство. Каким-то образом этот человек заставил сначала Корнелию, потом мою жену прислушаться к его словам, принять правила игры, которую устанавливал он. Меня подобный вариант не устраивал. Я не из тех, кто позволит манипулировать собой и считал, что, если силы неравны, я готов ждать годы, чтобы показать Гарольду Бэllu, как сильно он облажался с выбором объекта для своих игр. Я действительно так считал, был уверен, пока не заглянул в мертвые глаза Линди, которая однажды доверила мне свою жизнь. Я стал причиной ее смерти, и то, что против меня нет прямых улик, не доказывает обратного.

Когда я думаю о ней, в носу появляется металлический запах крови и смерти, который я вдохнул, переступив порог своего дома несколько дней назад. Она казалась такой крошечной в центре гостиной, с перетянутыми веревкой запястьями, словно обвитая паутиной высохшая бабочка. Безвольно обвисшее тело было наклонено вперед, растекшаяся по полу лужа крови уже начала подсыхать, образуя темно-бардовую корку на поверхности. Я столько раз представ-

лял себя пауком, высасывающим жизнь из своих куколок. И вот я увидел в реальности, как это выглядит на самом деле, без отвлекающих декораций, грима и спецэффектов, без пафосных слов и заявлений. Смерть во всем своем неприглядном ужасе. Отвратительная, смердящая, неумолимая. Это не спектакль, который можно отыграть сначала, а представление, которое имеет всего один акт в действии. Импровизация, как и все реальное в этом мире.

Я увидел в сломанной обескровленной фигуре ту самую девочку, которая однажды научила меня жить. И вот чем я отплатил ей...

Мои шарады должны были обойти Лин стороной. Мы несем ответственность за каждого, кого приручаем. Будь то растение, животное или человек.

Я понимал, что поступаю неправильно, что полиция свалит все на меня, но я развязал ее руки, закинув на свое плечо голову со спутанными волосами. Ее тело уже потеряло гибкость, но все еще казалось невесомым. Я несколько часов качал ее на своих руках, стоя на коленях в вязкой бардовой луже, и я говорил ей то, что, возможно, она мечтала услышать, но так никогда и не услышала. Я любил ее. Я действительно ее любил. Но даже мертвая любовь способна разбить сердце, когда ты видишь результат и последствия своих ошибок. Я вызвал полицию через несколько часов, и когда наряд приехал, я вышел к ним навстречу, держа Лин на своих руках, укутанную в одеяло. На улице шел дождь. Ле-

дяной дождь и пронизывающий ветер. Я не хотел, чтобы она замерзла. Именно это я и сказал полицейским передавая им тело моей жены. Я позволил им заковать себя в наручники и увести, не перестывая оглядываться на каталку, куда положили Лин, накрыв белой тканью. Мне хотелось оставить их, крикнуть, чтобы они открыли ее лицо, чтобы позволили ей дышать... Но потом я вспомнил, вспомнил, что свой последний вздох она сделала, когда меня не было рядом.

Лин оказалась невинной жертвой, попавшей под перекрестный огонь. Я не хочу больше смертей. Моя крепость подверглась диверсии. Прямому нападению. Это откровенный вызов мне. Война, объявленная давно, ведется теперь без соблюдения границ и правил. Я должен ответить, но мне необходимо время, чтобы укрепить позиции, чтобы выровнять силы и восстановить стены. А еще мне необходимо исправить еще нечто важное, пока не стало слишком поздно. Программа, которую я разработал для достижения своих давних целей подлежит перезагрузке.

– Ты должен кое-что передать Мак, – произношу я, снова ощущая нарастающую слабость во всем теле.

– Что именно? – уточняет Мартин.

– Она должна остановить задание, пока я не вернусь в строй.

– Какое задание?

– Она поймет.

– Хорошо. Я передам. Как сообщить ответ?

– Ей не стоит звонить мне сюда. Устно, Мартин.

Оставшийся день я провожу в борьбе с тошнотой и головокружением, то отключаясь, то бодрствуя. Мой разум парализован самым примитивным и древним чувством, которое и стало скачком в развитии человека. Оно заставило нас сражаться, искать варианты, выжидать и охотиться. И многие из нас смогли обратить его в свое самое мощное и действенное оружие. И я владею им в совершенстве, но абсолютно уязвим, когда дело касается закрытых дверей. Возможно, я боюсь не закрытого пространства, а самого себя? Что может быть страшнее, чем остаться наедине с собой?

Я не помню, как меня выводили на допрос, но кажется, тогда я был еще в осознанном состоянии. Частично разумеется, иначе я бы помнил точно и детально. Хуже стало в коридоре, пока я шел перед конвоем. Это ни на что непохожее ощущение, когда обычные лампочки превращаются для тебя в мощные светила, размером в солнце, вращаясь вокруг тебя с бешеной скоростью, и то же самое происходит со стенами, контуры которых размываются, ускользают, выгибаются, меняя форму, надвигаются на меня с неумолимой медлительностью. И самое ужасное в этом, что я четко отдаю отчет в том, что мой страх и галлюцинации иллюзорны, но не способен справиться с ним.

В кабинете для допросов было просторно и светло. Я не помню и половины вопросов, на которые отвечал. Может быть, я вообще бредил, но рядом был Мартин Роббинс, бес-

проигрышный адвокат Кливленда. Звезда юриспруденции. И говорят, что ему под силу оправдать даже покойника. Я еще жив, поэтому мне нечего бояться.

На следующий день Роббинс вернется, чтобы сообщить мне, что я отпущен под залог, а еще он передаст слова Мак, ее ответ:

– Процесс запущен. Слишком поздно.

– Значит, придется искать альтернативные варианты...

Итан

Первое собрание в Розариуме состоялось через пару недель после освобождения Рэнделла. Я присутствовал, как и остальная пятерка основного состава. Не было только Кальмии, которая, если верить словам Перриша, больше не является участником Розариума. Если он не лжет и действительно дал ей свободу, то это лучший исход, на который я мог бы рассчитывать для Лисы. Но проблема в том, что я больше не верю Рэнделлу Перришу. И думаю, он прекрасно понимает это. Он знает, что перешел черту, ту самую грань, о которой сам всегда говорил. Он сделал личное превыше профессионального. И я надеюсь, что сейчас Рэнделлу так же дерьмово, как и мне. Хотя внешне этого не скажешь. Перриш кажется осунувшимся, но все таким же несгибаемым хладнокровным ублюдком.

Он, как обычно, стоит к нам спиной. Сегодня нет разноцветных костюмов, сшитых для каждого согласно оттенка

цветка, соответствующего кодовому имени. Мы в черном. Даже бесстрастные социопаты соблюдают траур. Понимает ли Рэн, что все собравшиеся считают его виновным в смерти Лин? Даже если не в его руке было оружие, которым убили Линди Перриш, он был главным виновником того, что произошло. И попытка соблюдения традиций, на которые он всегда плевал, для меня кажутся верхом лицемерия.

Никогда не думал, что смогу ненавидеть его так сильно. С той минуты, как я увидел скорчившуюся на полу душевой кабинки Алисию, я не могу заглушить бессильную злобу внутри меня. Он осознанно и хладнокровно ударил по каждому из нас.

«Зачем ты это сделал?»

Иногда жить становится смертельно скучно, Итан.»

И это то, что я услышал в ответ на свой вопрос. Неужели Рэн думал, что поразит меня историей о том, что Лиса оказалась на месте убийства моего отца и его любовницы. Или что я буду винить ее в их смерти? Она была маленькой перепуганной девочкой, отчаянно сражающейся за свою жизнь, и всплывший факт говорит только о том, что мы были предназначены друг другу. И Рэн это тоже понимал. Конечно понимал, иначе не передвигал бы нас по шахматной доске, как пешки, ход за ходом, навстречу друг с другом. Кем он возомнил себя? Какие цели ставил, придумав такое безжалостное испытание для нас двоих? Решил наглядно показать, что мы лишь беспомощные, жалкие марионетки, которые он дергает

как пожелает, если вдруг его душа требует спектакля. И ему решать, какой жанр выбрать. Трагедия, комедия, мелодрама или триллер.

Он сумасшедший. Но не больше, чем каждый из нас, рассевшихся вокруг стола и не поднимающих взгляды со своих конвертов.

Мы даем ему власть над нами.

Мы.

А он просто делает так, чтобы никто из нас не сомневался в правильности своего выбора.

– Откройте конверты со своими заданиями. Ты первый, Итан, – произносит Рэн после небольшой вступительной речи, где благодарит каждого за успешное функционирование Розариума во время его недолгого отсутствия. Похвала – это тоже инструмент управления. Да, я все еще пытаюсь понять всю схему, изучить весь набор инструментов, которые использует Рэнделл.

И на самом деле мне впервые плевать, что там в конверте. Я устал разговаривать со спиной Перриша, чувствуя себя еще одним винтиком в запущенном механизме. Наверное, для каждого существует свой предел, и я достиг его. Мне больше не интересно.

Однако я беру в руки конверт, чувствуя, как собравшиеся сверлят меня выжидающими взглядами. Черт с вами. Я посмотрю. Заглядываю внутрь, доставая из конверта фотографию. На снимке частная резиденция на берегу океана, с

небольшой террасой, оснащенной джакузи. Я знаю это место. Однажды я работал там с перспективным объектом женского пола. Побережье Майами-бич, недалеко от исторического центра, соединение 69 улицы и Колин-авеню. Один из самых элитных и живописных районов. Я помню, что, вернувшись после завершения задания, я сказал Рэнделлу, что нашел место, в котором хотел бы провести свою жизнь. И я заразил своими фантазия Люка, который теперь мечтает переехать со мной в Майами сразу после реабилитации. Надо отдать должное Перришу – у него уникальная память.

Какая ирония! Рэн решил подразнить меня снова. Никак не успокоится, пока не лишит меня последних иллюзий. Но это то, что он отнять не сможет.

Переворачиваю конверт вверх тормашками, пытаюсь вытряхнуть из него флешку, которая обычно прикладывается к заданию, но внутри ничего нет.

– Что это значит? – резко спрашиваю я, игнорируя любопытствующие взгляды участников собрания.

– Это твое новое место жительства, Итан, – ровным голосом отвечает Перриш, не меняя своей застывшей позы. – Как только твой брат закончит курс реабилитации, ты можешь ехать и осваивать новую территорию. Разумеется, прежнее жилье вернется в собственность Розариума.

– Ты ссылаешь меня? – уточняю я, ожидая подвоха за каждым сказанным словом.

– Я даю тебе то, в чем ты нуждаешься, – с мягкой, сдер-

жанной интонацией отзывается Рэнделл. Я встречаю удивленный взгляд Мак, которая поджимает губы, и опускает глаза. Дафни смотрит на меня с откровенным презрением. Они считают, что я наказан. Идиотки, я у врат рая. — Если я стою к тебе спиной, это не означает, что я не чувствую твоего желания закончить наше сотрудничество. Весь секрет моего успеха строится не только на тех китах, которые мы оговариваем каждое собрание, но и на вашем желании быть частью команды. Если ты готов остаться, отказаться от предложения, то положи снимок в конверт и оставь на столе.

— В чем подвох?

— Нет никакого подвоха, Итан, — легкое пожатие плеч и Рэн убирает руки в карманы. — Мы все работаем ради определенных целей, мы здесь собрались неслучайно и только от нашей сплоченности зависит успешный исход. Ни тени сомнения и неуверенности не должно быть. Понимаешь, о чем я?

— То есть каждый может встать и уйти?

— Абсолютно, — уверенно заверяет Рэнделл. Я смотрю в лица собравшихся, но вижу только непроницаемые маски.

— Когда ты это придумал? Почему, когда я просил отпустить нас с Лисой, ты этого не сделал? — я ненавижу излишнюю эмоциональность в своем голосе, но ничего не могу с собой поделать. Внутри меня клокочет бессильный гнев, норовя выплеснуться наружу и вспыхнуть, разрастись до размеров атомного взрыва.

– А ты просил, Итан? Вспомни. Хоть раз ты просил, чтобы я отпустил вас?

Я молчу, скрипнув зубами, пытаюсь пройти мысленно по бесконечной веренице витиеватых разговоров с Перришем, как маятник раскачивающихся из области абсурда в область точных наук. Мозговой штурм, вот чему он подвергал каждого из нас. И неважно состоялись ли беседы тет-а-тет или при свидетелях, это каждый раз было тотальным изнасилованием нашего сознания, при выдержанной интонации ведения разговора. Я обвожу взглядом лица участников Розариума, и понимаю, что если каждый из них сейчас найдет в конверте открытку с домом своей мечты в райском месте на другом конце планеты, то ни один не уйдет вместе со мной в всегда открытую дверь гостиной Розариума. Закрыв глаза, я практически вижу пустой круглый стол и пять конвертов, в которых покоится прах сожженных иллюзий. Я опускаю взгляд в черно-белый пол. Неужели вы не видите, хочется крикнуть мне? Он даже не скрывает. Мы каждый раз заходим сюда, ступая по шахматной доске, рассаживаясь по своим местам. И каждому уготована своя клетка. Клетка. И дело не в цвете, не в границах и форме.

Мы зависимы от него больше, чем готовы себе признать-ся.

– Нет, я не просил, – бесцветно признаю я.

– Когда Лиса попросила свободу, то она ее получила. А тебе я предлагаю сам. Ты принимаешь мой подарок? Или хо-

чешь остаться?

– Я принимаю твое предложение, – отвечаю быстро, замечая удовлетворенный кивок Рэнделла.

– Твое место никто не займет, – обещает он мне. – Аконит может вернуться в любой момент, когда пожелает.

– Этого не случится, – безапелляционно заявляю я.

– Не зарекайся, – с мягкой иронией отвечает Перриш. – Никто не знает, что случится с ним даже через минуту, а мы говорим о неопределенном будущем.

– Не в этой жизни, Рэнделл. Я надеюсь, что мы никогда больше не встретимся.

– Как знать, Итан. Как знать.

Глава 2

Нейтон

Наверное, отец погорячился, собрав всю семью на пикник на свежем воздухе при температуре плюс пять градусов. Кожаная куртка и джинсы – недостаточная защита от порывов ледяного пронизывающего ветра, несущего холодные массы воздуха с реки, на берегу которого расположился уютный особняк родителей. Я вырос здесь и привык к постоянному сквозняку, но глядя, как Реджина прячется в теплый плед, позаимствованный у моей матери, я думаю, что должен был убедить ее одеться теплее. Разглядываю Реджину Вонг настойчивым и даже немного навязчивым взглядом, пытаюсь понять природу своего внезапного интереса к новой сотруднице. Она стоит возле дымящегося барбекю, на котором жарится мясо, в компании моего брата, непринужденно болтая с ним. Это кажется удивительным, потому что Эрик не тот человек, который идет на контакт в первую встречу. Вообще, он немного странный, как все парни в возрасте двадцати лет, считающие себя умней других. Но Реджина нравится ему, и это видно невооруженным взглядом. То, что мисс Вонг обладает удивительным качеством вызвать симпатию у каждого, кто с ней общается, я понял с самой первой встречи, когда неделю назад она заявила в мой кабинет и сообщила, что является моим новым ассистентом. Черт, я не помню лица

ни одной сотрудницы, которая работала в этой должности, до нее. В чем секрет Реджины и ее обаяния я пытаюсь разгадать уже неделю. Уму непостижимо, я притащил ее на семейный пикник, где не довелось побывать никому, кроме единственной официальной подружки, с которой я встречался еще со школы, дочери бизнес партнера отца. Мы с ней собирались пожениться, а потом постепенно роман сам собой сошел на нет. Конечно, нас пытались снова свести, но спустя несколько провальных попыток, оставили в покое. Мы с Сарой до сих пор хорошие друзья. Иногда она тоже приезжает сюда, как давний друг семьи, подышать воздухом, поесть барбекю и покататься на лошадях. У отца своя конюшня на территории частных владений, которыми много десятилетий владеет наша семья, но его страстью являются отнюдь не животные. Породистых арабских скакунов Гарольд завез с Востока исключительно ради матери. Я слышу, как мама подгоняет своих помощниц на кухне, чтобы быстрее накрывали стол в центре идеально подстриженного газона под высоким тентом, который, к сожалению, не защищал от холода.

– Эрику скоро возвращаться в университет? – спросил я, безошибочно узнав шаги отца за спиной. Он встал рядом со мной, и я бросил на него быстрый взгляд, успев отметить, что его внимание так же приковано к Реджине. Мы с отцом никогда не обсуждали женщин, и у нас не приняты разговоры по душам. Слишком много времени Гарольд посвящал бизнесу. Я не помню, чтобы в детстве он много занимался

со мной или Эриком. Мы росли под полным контролем матери и сменяющихся нянь. Два совершенно разных по характеру пацана, конечно, ни одна гувернантка не могла найти с нами общий язык. Мы доводили их до истерики своими выходками, а потом... потом мама решила сама заняться нашим воспитанием, и мы пожалели, что извели добрых, хоть и никчемных нянь. Несмотря на внушительную разницу в возрасте, мы умудрялись постоянно устраивать петушинные бои на пустом месте, превращая дом или сад в поле боя, за что получали нагоняй от строгой матери.

– Через пару недель, – отвечает отец, когда я уже забыл о том, какой задал вопрос. В толстой куртке и утепленных брюках, Гарольд сейчас меньше всего похож на влиятельного финансиста и банкира. Говорят, я похож на него, и было бы здорово, чтобы я сохранился так в пятьдесят с лишним лет. Высокий, статный, широкоплечий, сдержанный, обладающий обаянием и светским лоском успешный бизнесмен. Немного суровый с виду, но я не раз видел, каким он может быть терпеливым в определенный момент жизни. Несомненно, отец для меня пример для подражания. И когда я учился в Гарварде, то с гордостью рассказывал о достижениях Гарольда. Как-то на одной из лекций по банковскому делу, преподаватель рассказывал, как мой дед основал первые заводы в Кливленде, а потом постепенно расширял бизнес. Это было невероятное ощущение. Я чувствовал себя частью легенды. И я сейчас чувствую. Но пишу свою историю. Меня

нисколько не интересуется карьера банкира или руководителя одного из предприятий отца. Я изучал право в Гарварде, и намереваюсь заняться политикой, но пока временно помогаю отцу в его нелегком деле.

– Что ты знаешь об этой девушке? – спрашивает Гарольд. И его вопрос нельзя понять не буквально. Отец не любит ходить вокруг да около, а сразу переходит к делу. Так он устроен. Постоянная нехватка времени диктует свои правила, формирует характер, заставляет своевременно расставлять акценты.

– Немного, – пожав плечами, я наблюдаю, как Реджина запрокидывает голову вверх, расхохотавшись над словами Эрика, переворачивающего мясо на барбекю. Не думал, что мой брат умеет шутить. Я чувствую некое подобие ревности, и даже не хочу избавляться от покалывающего неприятного ощущения. Я так давно не испытывал сильных эмоций. Университет, диплом, стажировка, теперь бесконечная череда рабочих будней. У меня мало времени остается для самого себя, для личной жизни. Сара Грин была удобной девушкой, никогда не требовала внимания, подарков, прогулок под луной и долгих ухаживаний. Зачем? Мы играли в одной песочнице, когда нам было по пять лет. И мне казались наши отношения идеальными, подходящими для того образа жизни, который мне пророчит мое будущее. А потом мы... просто поняли, что для того, чтобы прожить вместе годы, нужно чувствовать друг к другу больше, чем дружескую симпатию

и физическое влечение.

– Какое это имеет значение? – спрашиваю я, чувствуя на себе настойчивый взгляд отца.

– Большое, Нейт, – твердо ответил отец, заставив меня раздраженно поморщиться. – Ты привел ее в наш дом. Это имеет значение.

– Мы работаем вместе, – с деланным равнодушием отвечаю я. – Служба безопасности ее проверила. Были бы проблемы, мне бы сообщили.

– Кто ее родители?

– Они погибли в аварии. Реджина выросла в Оклахоме с тетей, которой тоже уже нет в живых. Она хорошая девушка, отец.

– Ты так в этом уверен?

– Ты посмотри на нее.

– Внешность может быть обманчивой.

– Это шаблонное выражение, отец, – с легким раздражением отвечаю я, встречая смеющийся взгляд Реджины. Она машет мне рукой, и я чувствую, как уголки губ расплываются в непроизвольной улыбке. – Времена династических браков устарели. Не вмешивайся, пожалуйста.

– Твоя мать... – с пафосом начинает Гарольд, но я не даю ему договорить. Наверное, это первый раз, когда я перебиваю отца.

– Я помню, что мама относится к ветви Шелдонов, создателям крупнейшей в Огайо финансовой корпорации. Вам

повезло, что вы встретили и полюбили друг друга. Я не собираюсь выбирать себе девушку по результатам исследования генеалогического древа ее семьи.

– Как отец я обязан тебя предупредить, – настаивает Гарольд. – Для политика имеет огромное значение близкое окружение. Короля делает его свита. Если ты всерьез собрался покорить это поприще, то нужно задумываться уже сейчас с кем ты завязываешь отношения, присмотришься к своим друзьям. Это важно.

– Для меня не имеет никакого значения есть ли у Реджины в роду миллиардеры или нет, отец. Мы живем в двадцать первом веке, и к тому же, я пока не собираюсь жениться, – с иронией отвечаю я. – Но спасибо за то, что беспокоишься обо мне.

Реджина снова машет мне, подавая недвусмысленные знаки, что мясо готово. Эрик складывает крупные сочные куски в блюдо и несет в сторону навеса. Прислуга уже накрыла стол на лужайке, пока мы с отцом разговаривали. Я оборачиваюсь в сторону кухни, откуда появляется мама с двумя бутылками выдержанного в погребе многолетнего красного вина.

– Как давно она работает в «Бэлл Энтерпрайз»? – не сдается отец. Мама понимающе улыбается, выразительно закатывая глаза.

– Голди, отстань от мальчика, – приходит она мне на выручку, взяв мужа под руку.

– Летисия, я же просил не называть меня этим нелепым

именем, – ворчит он.

– Брось, я знаю, что тебе нравится, – мама беспечно смеется. Отец напускает на себя еще более важный вид, но на нее это не действует. – По-моему очень милая девочка. Мне нравится, Нейт.

– Мне тоже, мам, – киваю я, улыбкой отвечая на ее ласковый взгляд.

– Пошли уже за стол, пока мы тут все не промерзли до костей, – недовольно хмурится Гарольд.

Реджина, оставшись в одиночестве, ждет меня у барбекю, а, может, просто не спешит покинуть теплое место. Отец с матерью вежливо улыбаются, проходя мимо. Познакомились они чуть раньше, и Реджина, как и в случае с Эриком, вела себя очень естественно. Мне определенно нравится ее умение общаться с людьми.

Пропуская родителей вперед, я останавливаюсь рядом со своей гостьей. Чувствую себя неопытным подростком, глядя в покрасневшее от холода красивое лицо девушки.

– Извини, я не предупредил, что тут так ветрено, – немного смущенно произношу я.

– Ничего страшного, Нейт. Я не замерзла, – вежливо обманывает меня Реджина.

– Мисс Вонг, вы лукавите, – отвечаю я с улыбкой, осторожно обнимая ее за плечи, и добавляю, значительно понизив голос: – у тебя губы посинели.

– Эй, Ромео, веди сюда свою Джульетту, – кричит мне

Эрик, и теперь уже Реджина начинает смущаться. Наверное, мы выглядим довольно глупо со стороны. Двое взрослых людей, которые явно симпатизируют друг другу, но не могут открыто это признать. Тот факт, что я знаю ее всего неделю, если честно, пугает. Это единственное, что по-настоящему меня беспокоит. Я должен быть уверен, что мне не показалось. Не хочу давать ненужных надежд. Мне и так стоило немалых усилий уговорить ее поехать на пикник к моим родителям, после всего двух свиданий. Хотя, по большому счету, один ланч в обеденный перерыв и вполне невинный ужин в ресторане, после которого я подвез ее до дома, сложно назвать полноценными свиданиями. У меня не было прежде опыта служебных романов, и я не совсем понимаю, как далеко могу зайти со своей подчиненной, учитывая мою растущую к ней симпатию. Никогда не задумывался, сколько нужно ухаживать за девушкой, чтобы пригласить ее к себе домой и, тем более, познакомить с семьей. Учитывая тот факт, что семья у меня далеко не простая. Но, наверное, барбекю с родителями – не просто шаг вперед, это, можно сказать, прыжок.

– Твой брат просто прелесть, – произносит она, робко улыбаясь и плотнее закутываясь в плед.

– Не говори ему об этом, – заговорчески подмигиваю я девушке, увлекая ее в сторону стола. – Ты не представляешь, какие впечатлительные парни в его возрасте. Он непременно решит, что влюбился в тебя и будет страдать.

– Ты серьезно? – ее голос подрагивает от смеха.

– Конечно. Вспомни себя в двадцать лет, – улыбаюсь я, и недоуменно хмурюсь, когда она внезапно отворачивается, заметно побледнев.

– Я что-то не так сказал? – помрачнев, спрашиваю я.

– Нет. Все в порядке, – покачав головой, поспешно отвечает Реджина. – Двадцать мне было не так давно. В девятнадцать, я потеряла тетю. Я уже училась здесь, на втором курсе университета, и не собиралась возвращаться в Оклахому. Однако, ощущение одиночества было со мной всегда, где бы я ни находилась. А со смертью тети усилилось. Я просто чувствовала, что осталась одна. Ни писем, ни открыток. Ни звонков.

– Мне очень жаль. Мне не приходилось терять близких, и сказать, что я тебя понимаю было бы лицемерием. Я не хочу, чтобы ты сегодня грустила, – мягко произношу я. Реджина поднимает на меня свои глаза, в которые я на мгновение ныряю с головой, растворяясь в их абсолютно чистой синеве. У нее невероятно красивые и выразительные глаза – это первое, на что я обратил внимание, когда она вошла в мой офис. Не на потрясающую фигуру, полные губы и блестящие волосы шоколадного оттенка, а на сверкающие, горящие надеждой, жаждой жизни пронзительные глаза. Каждый раз, когда наши взгляды встречались, я забывал, о чем только что думал, я просто зависал, как компьютерная программа в тот момент, когда больше всего было необходимо построить какой-то график или высчитать коэффициент рен-

табельности. Я пытался блистать чувством юмора, казаться дружелюбным и естественным, но, мне кажется, я выглядел глупо, стоя столбом, и пляясь на нее, как одуревший идиот. Я помню, как в первый день она принесла мне кофе, сильно нервничая, а я разлил его по всему столу. Еще ей же и вытирать пришлось. Конечно, я пытался исправить ситуацию и помогал, как мог, измочив листки важных контрактов, которые лежали на столе. Черт, до сих пор смешно и стыдно вспоминать об этом инциденте. Нам пришлось задержаться, чтобы пропечатать контракты заново. Мое особое отношение к новенькой коллеги заметили уже на третий день ее работы в компании. Я понял это по многозначительным взглядам, которыми нас одаривали, пока мы по часу стояли возле кофейного аппарата, болтая о вроде бы рабочих моментах, но по факту я просто не мог заставить себя вернуться в кабинет. Пустые стаканчики один за другим падали в урну, а я ломал голову над тем, как правильнее пригласить девушку на ленч, чтобы не спугнуть и не показаться навязчивым.

– С тобой не бывает грустно, Нейтон, – мягко отвечает она мне, когда мы заходим под тент и занимаем свои места за длинным прямоугольным столом. Помимо родителей и Эрика, на пикник пожаловала тетя Маргарет со своим последним молодым мужем и сыном от первого брака, и двумя дочерьми от второго. А еще кузина матери Стефания с женихом. Дядя Джеймс, и многие другие члены нашей славной династической семьи.

Я замечаю обращенные на нас с Реджиной вопросительные взгляды. Некоторые из гостей приехали недавно и не успели познакомиться с моей спутницей.

– Это Реджина Вонг. Мы вместе работаем, – сообщаю я, и начинаю перечислять имена всех собравшихся. Реджи вежливо улыбается и кивает, с достоинством вытерпев длительный ритуал знакомства. Я невольно замечаю насколько мне приятнее смотреть на Джину, чем на своих рафинированных родственников. Возможно, виной тому химия, которая возникла при первой встрече, и я до сих пор ощущаю волнение и легкое головокружение, когда смотрю на нее. Не могу оторваться. Взгляд сам собой возвращается к ней снова и снова. Она выглядит юной, ранимой и настолько живой и яркой, что мне порой становится неловко от собственной сдержанности. Я вырос в одной из самых влиятельных семей Кливленда, да и всего штата, но родители с детства учили меня не кичиться тем, что мы имеем. С ранних лет нас с братом приучали к труду, ограничивая в наших расходах, если они превышали допустимые границы, не баловали, как обычно бывает в богатых семьях. Сейчас я благодарен матери за воспитание, а отцу за пример, которым он всегда был для меня. Но иногда мне хотелось вырваться из образа идеального сына и совершить что-нибудь необдуманное, шокирующее как меня самого, так и моих близких, но ответственность перед семьей за честное имя Бэллов всегда останавливала меня от необдуманных поступков. Глядя на Реджину, я почему-то

уверен, что она жила другой жизнью, не задумываясь о том, что могут сказать или подумать о ней окружающие. Она кажется мне свободной и невероятно горячей, как солнышко, которого нам сегодня всем не хватает. И я, наверное, впервые в жизни не боюсь обжечься.

Я ничего о ней не знаю, но разве это важно, если чувствуешь, что этот человек, эта прекрасная девушка невероятно тебе подходит, наполняет те пустоты внутри, которые не позволили довести Сару до алтаря. В ней есть все, о чем я когда-либо мечтал и фантазировал. И даже если я придумал ее, нет ничего соблазнительнее, чем ожившая фантазия в моих руках.

Мы не будем спешить, говорю я сам себе, паркуя автомобиль на стоянке возле жилого комплекса, в котором живет Реджина. Отличный район для девушки-сироты, но я не собираюсь выпытывать у нее тайны ее прошлого. Черт, я даже хочу, чтобы они остались с ней. Так интереснее. Загадка становится пресной, как только находится ее решение.

– Я бы пригласила тебя на кофе, Нейт, – немного сконфуженным тоном произносит Реджина, отстегивая ремень и поворачиваясь ко мне. – Но боюсь, что ты можешь истолковать это как-то по-своему.

– Например? – с ленивой улыбкой спрашиваю я, получая невероятное удовольствие от ее смущения.

– Ты не маленький мальчик, Нейт. Все прекрасно понимаешь, – она слегка хмурит свои изогнутые красивые брови,

и я едва сдерживаю внезапный порыв поцеловать ее. Хотя не такой уже и внезапный. Если отбросить всю розовую глазурь и восторженные рассуждения о ее загадочной душе и невероятных глазах, то как и большинство других мужчин, я бы предпочел раздвинуть ее ноги, а не болтать о том, что мне совершенно неинтересно. Сара Грин была моей единственной официальной подружкой, но не единственной девушкой в моей постели. В плане сексуальных отношений у меня никогда не было проблем. Разве они могут быть у сына банкира, чей отец практически владеет городом? Но то были совсем другие взаимоотношения, построенные на исключительно материальном аспекте. У меня и сейчас есть девушка, которую я навещаю пару раз в неделю, чтобы выпустить пар. Но мне вряд ли захотелось бы приглашать ее на ланч, или вести в гости к своим родителям. Зато она знает все о моих желаниях и всегда рада меня видеть.

– Мне двадцать семь, Реджина. Да, я не маленький мальчик, как ты верно заметила, но я не намного старше тебя, – произношу я с едва уловимым раздражением. – Я не собираюсь набрасываться на тебя.

– Уверена, что так и есть, – усмехнулась она, в синеве ее глаз сверкнули задорные чертики. – Это был удивительный день, Нейтон. Я давно так хорошо не проводила время. У тебя удивительная семья. Я словно в другом мире побывала. Не думала, что твои близкие окажутся такими простыми и доброжелательными людьми.

– Это обманчивое впечатление, – осторожно произношу я. – Не путай искренность с хорошими манерами. Пока ты друг моей семьи, тебе ничего не грозит. А в обратном случае... – я осекаюсь, глядя перед собой, и ударяю указательными пальцами по рулю. – Неважно, – качаю головой, – Я так понимаю, ты меня отшиваешь? – вопросительно смотрю в ее задумчивое лицо в ожидании ответа. Неужели я напугал ее или был слишком настойчив?

– Мы знакомы неделю. Что ты подумаешь обо мне, если я позволю тебе сейчас подняться? – с искренней непосредственностью спрашивает Реджина.

– Ты сделаешь меня чертовски счастливым, Реджи, потому что я мечтаю об этом с первой секунды, как увидел тебя.

– Я много раз это слышала, – она отворачивается, напряженно убирая локон за ухо. – Мужчинам всегда нужно только одно. Конечно, я говорю банальность, но я не готова, Нейт. Ты мой босс. Я не считаю правильным завязывать отношения с со своим начальством, не пройдя даже испытательный срок.

– Ты разбиваешь мне сердце, – отвечаю я, обхватывая тонкую ладонь и переплетая наши пальцы. Она такая теплая, нежная, и я знаю, что могу убедить ее передумать. Но Реджи права. Нельзя торопиться. Мой взгляд опускается на полную грудь девушки, обтянутую кожаным пиджаком, и ниже, на плотно сжатые ноги, облаченные в обтягивающие джинсы. Черт, как бы я хотел снять с нее всю одежду. Пульсирую-

щее возбуждение мешает думать, болезненно надавливая на ширинку. Я надеюсь, что полумрак подземной автостоянки скрывает от Реджи мое состояние, иначе это полный конфуз. Придется вне графика навестить Кристину, но не думаю, что она будет возражать по поводу незапланированного визита.

– Мне пора, Нейт, – твердо говорит Реджина, сдержанно улыбаясь. – Еще раз спасибо за чудесный день. И за то, что ты первый настоящий джентльмен в моей жизни. Увидимся в понедельник.

– Может быть я позвоню завтра? – с надеждой спрашиваю я, удерживая за запястье, когда девушка открывает дверцу моего Феррари, собираясь сбежать. – Мы могли бы сходить в кино или посидеть в кафе?

– До понедельника, Нейтон, – теперь ее голос звучит холодно, словно я раздражаю ее своими уговорами. Неудовлетворенное желание порождает гнев, вспыхнувший в напряженных венах. Какого хрена ты строишь из себя? Не отдавая отчет собственным действиям, я резко тяну девушку обратно на сиденье, припечатывая к спинке своим телом. Властно удерживая подбородок, я впиваюсь в ее приоткрытый в возмущенном восклицании рот глубоким, проникающим поцелуем. Ох, крошка, какая ты сладкая. Низкий стон срывается с моих губ, когда я толкаюсь языком вглубь ее рта. Снова и снова. В упоительном ритме. Она перестает закрываться, поддаваясь моему натиску, и все внутри меня горит в предвкушении. Резко дергаю молнию куртки вниз, сжимая высокую грудь

ладонями сквозь тонкий свитер. Обвожу языком контур ее губ и снова жадно целую, нажимая большими пальцами на выпуклые соски. Она не надела белье. Разве это не знак? Забираясь ладонями под кашемировый свитер, прикасаюсь к обнаженной коже, и меня начинает потрясывать от острого, болезненного возбуждения.

– Малышка, я умру, если ты мне не позволишь трахнуть тебя сегодня, – вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать. Реджина мгновенно застывает в моих руках, а потом резко отталкивает.

– Уверена, найдется немало «малышек», готовых помочь тебе выжить, – ледяным тоном отвечает она, одергивая свитер и вытирая губы тыльной стороной ладони.

– Нет никаких других малышек. Я не предлагаю тебе разовый секс. Мы можем встречаться на постоянной основе, – произношу я, тяжело дыша. Запускаю руку в темные волосы, чувствуя потребность в продолжении нашей вспышки страсти, но осознаю, что момент упущен.

– Не уверена, что это хорошая идея, – качает головой девушка и решительно выходит из машины, резко хлопая дверью.

– Черт, – чувствуя себя полным дерьмом, яростно бросаю я, со всех сил ударяя ладонями по рулю.

Несколько минут сижу, пытаюсь привести в порядок мысли и реакции тела, а потом набираю номер Кристины. Конечно же, она свободна и жаждет встречи, но на половине

пути, у меня пропадает желание, и я еду домой. Я только что собирался заменить фастфудом изысканное блюдо, которое только выиграет, если мне придется немного подождать. Разве не о том, что мы не должны спешить, я думал на пикнике, и даже после, когда вез ее домой? Эта девушка обладает невероятной энергетикой, дурманящей, сводящей с ума. Запредельное помешательство, я никогда еще не набрасывался на женщину, словно дикий изголодавшийся зверь. Я боюсь даже представить, как бы смотрел ей в глаза, если бы между нами что-то произошло. Она явно дала понять, что не хочет торопиться, но на меня словно помутнение нашло, и я не только ее испугал. Я сам в ужасе и смятении.

У меня нет проблем сексом, нет проблем с привлечением внимания, я могу получить любую по щелчку, и это будут самые шикарные женщины. Но я никогда не переходил черту дозволенности не был груб.

Может быть ты никогда не был влюблен? Звучит в моей голове ответ. Или вопрос, черт побери. Если бы я мог знать, быть уверенным, что наваждение не пройдет, когда я получу Реджину Вонг в свою постель. Мне слишком нравится ощущение эйфории вперемешку с низменной потребностью и внутренним трепетом, разливающимся в груди, когда я вижу ее.

Я поднимаюсь в свои апартаменты, которые занимают два этажа элитной новостройки на Западе Кливленда, и первое, что делаю – принимаю холодный душ. Потом прослу-

шиваю автоответчик. Беру пиво из холодильника, включаю телевизор, новостной канал. Рутинные автоматические действия, повторяющиеся из вечера в вечер. Я скольжу взглядом по своей просторной квартире с современным дизайном и единственной в своем роде мебелью, которую привезли из Италии по специальному заказу. Роскошная холодная красота – так бы я описал свое жилище. Упакованная дорогая холостяцкая берлога, в которой чертовски надоело засыпать одному. Сара жила со мной около года, но и тогда обстановка не казалась мне уютной. Мы оба постоянно работали. Встречались только в постели.

Я понимаю, отлично понимаю, в моей жизни никогда не будет свободных вечеров, которые я смогу проводить в гостиной перед камином в окружении детей и жены. Я не из тех, кто выгуливает собаку в парке или болтается по набережной реки, глядя на звезды. Я слишком занят работой. Мои амбиции несовместимы с той жизнью, которую я бы хотел вести, но никогда не смогу этого себе позволить. У отца на меня большие надежды. Вся семья Бэллов смотрит на меня. Я не могу подвести их, не оправдать ожиданий. Да я и сам хочу быть не просто сыном легендарного Гарольда Бэлла, а самостоятельной единицей, личностью, которую будут уважать за то, что он чего-то добился сам.

И это то, о чем я должен думать, если вдруг ночью на меня накатывает бессонница или я начинаю остро чувствовать свое одиночество, но не сегодня. Я смотрю в высокий

потолок, украшенный лепниной с бледно сияющей голубой подсветкой, мерцающей словно звезды далеких планет, я не могу выкинуть из головы Реджину Вонг, девушку, которую знаю всего неделю. Ее лицо, улыбка, ее тихий голос и смущенный смех... Мне кажется, что я знаю ее вечность, а не какие-то несколько дней.

И знаете какое решение приходит мне в голову, когда первые лучи солнца, проникают в мою спальню и лениво ползут по полу в сторону кровати, запрыгивая на одеяло, как резвые золотые зайчики, и выше, скользя по моим ногам, груди, ударяя по чувствительной сетчатке не сомкнувшихся за всю ночь глаз?

Я не хочу ждать. И не буду.

Иначе свихнусь.

Реджина

В дверь звонит уже третий курьер за утро. На этот раз мне доставили белые орхидеи. Самым первым принесли огромный букет алых роз, следующим были лилии. Теперь вот орхидеи. Я закрыла цветы в самой дальней комнате, чтобы не задохнуться от приторных перемешавшихся ароматов. Нейтон выбрал неверную тактику. Когда мужчина сказочно богат, для него не составляет огромного труда красиво ухаживать и делать широкие жесты.

Но Нейтон Бэлл не учел одного. Точнее, он просто не знает, что к цветам у меня теперь особенное отношение. К лю-

бым. Не только к ядовитым.

И к мужчинам тоже.

Почти три недели прошло с ужасной ночи в номере над клубом, но я до сих пор сплю с включенным светом, если, вообще удастся уснуть. Первая волна эйфории, накрывшей меня, когда я поняла, что вырвалась из Розариума, сошла на нет. Вернулся страх и ощущение того, что в любой момент Рэнделл Перриш явится, чтобы вернуть меня в свой кружок умалишенных. В голове до сих пор не укладывается, что вообще не люди Галлахера напали на нас с Итаном, что все было подстроено для того, чтобы я оказалась в Розариуме. Я пережила безумие, психоз, худший из кошмаров в своей жизни.

В глубине души я понимаю, что у Перриша больше нет рычагов, с помощью которых он удерживал меня раньше, и моя одержимость им закончилась в тот момент, когда я осознала, что оказалась в ловушке наедине с парнем, который мог меня удушить. Покалечить... Черт, неизвестно, чем, вообще, могла закончиться та ночь. Убрать улики, со средствами и связями Перриша было бы не так уж сложно. От этого человека можно ожидать чего угодно. Он непредсказуем в своих извращенных играх и опытах над сознанием людей. Я никогда не забуду собрания в Розариуме с кучкой зомбированных людей с ненормальным блеском в глазах, слепо поклоняющихся своему божеству. Я тоже чуть было не стала одной из них. Я приблизилась к краю и почти прыгнула в яму со змеями, но вовремя остановилась. Или я снова во всем ошиба-

юсь, и до сих пор нахожусь на крючке у Перриша, но наивно полагаю, что смогла выйти сухой из воды. Рэнделл абсолютно аморален, и его кодекс внутренних правил не имеет ничего общего с законами общества и социума, в котором мы все живем. В этом я убедилась на своем личном опыте.

Я не хочу... Черт, я каждый день гоню мысли о нем прочь. Вон из моей головы, из моих воспоминаний! Я бы хотела выдрать их с корнем, перезаписать события последних месяцев или стереть полностью, до основания. И я чувствую в себе силы сделать это, но пока не получается.

Я не справляюсь. Не сейчас, когда со всех таблоидов мелькает его лицо и имя. Чего только стоит история с убийством его жены. Я не собиралась следить за ходом расследования, но новости транслировали по всем каналам. Перриша продержали в камере не больше недели, и отпустили за неимением прямых улик. Других подозреваемых в убийстве Линди Перриш до сих пор не нашли. Черт. Не хочу даже думать, может ли Рэнделл быть причастен к тому, что случилось. Мне необходимо верить, что нет, иначе я несколько месяцев общалась с умным и хладнокровным убийцей, уверенным в своей неуязвимости. Судя по тому, что писали газеты и рассказывала Мак, мать Перриша погибла так же, как несчастная Линди. Даже если маньяк не сам Рэнделл, то явно рыщет вокруг него, что ставит под удар любого из близкого окружения Перриша. То, что я не отношусь к близкому окружению, не отменяет нависшей угрозы. Мне нужно срочно продать

квартиру, чтоб нас больше ничего не связывало. Машину тоже, хотя она мне безумно нравится. Можно было бы сыграть в гордую принцессу, и уйти в никуда, оставив Перришу все, что он купил мне. Но разве это справедливо? Он использовал меня, уничтожил, унизил, он нанял людей, которые избивали меня, он оттачивал на мне свои психологические шарady, пытаясь превратить в еще одну безвольную марионетку. Я считаю, что заслужила компенсацию за моральный и физический вред.

Пошел к черту, Перриш! И заberi с собой своего приятеля Итана Хемптона, такого же лицемерного лгуна, как ты сам.

Я не поверила ни в единое объяснение и оправдание Итана. Он слишком долго работает на Перриша, чтобы не знать его приемов и методов. Итан виновен не меньше, чем Рэнделл. А может, даже больше. Итан заставил поверить меня в то, что у нас есть шанс, в то, что он сможет помочь мне, вытащить меня, но на самом деле я в его планах была только в одной роли – согласной на все любовницы. Он смотрел на меня, как на мертвую, когда понял, что случилось в клубе. Итан даже не пытался вникнуть в то, что я говорила о Галлахера и подставе Рэнделла. Блядь, он даже оправдывал своего сумасшедшего приятеля. Итана интересовало только то, что я спала с другим. Словно у меня был выбор... Меня заманили в ловушку, и, если бы Итан так сильно любил меня, как говорил, то нашел бы способ защитить меня любой

ценой. Не захотел или не смог – это для меня дело второстепенное, неважное. Но больней всего было видеть осуждение в его глазах. Он винил меня, и я не настолько слепа, чтобы не понять это. Словно мне мало было сжигающего душу и сердце стыда, который останется со мной до конца жизни. Мне хотелось содрать с себя кожу, вскрыть вены, вырезать сердце из груди. В последствии я уже сама не могла найти себе оправданий и объяснений случившемуся. Какой-то невысказанный ряд случайных событий, или четко запрограммированных действий! Почему я не убежала? Почему не остановила Мартина? Неужели так боялась провалить задание Рэнделла Перриша? Как я могла позволить ему управлять моей волей? То, что он сделал со мной – невысказанно. Самое страшное – не грязный секс с парнем, увлекающимся играми с асфиксией. А то, что Рэнделл Перриш послал меня туда, зная, что произойдет.

Он освободил тебя от чувств, – так сказала Мак.

Но эти пять слов – лишь пустой набор букв, который не способен отобразить то, что Перриш сделал со мной.

Но ему удалось, действительно удалось избавить меня от иллюзий. Если это та цена, которую я должна была заплатить за свободу, то пусть будет так. Я попытаюсь смириться. И, может быть, со временем смогу забыть...

Но страх столкнуться со своим прошлым никуда не денется. Куда бы я ни шла, я буду ощущать эти пустые взгляды участников Розариума, обращенных мне в спину. Я буду

чувствовать всевидящее око Перриша, непреклонно следующее за мной. А по ночам я буду вскакивать не от запаха гари, разбуженная кошмаром о гибели моей матери, а от ощущения прикосновений рук Мартина Роббинса к своей шее, к телу, прокручивая в голове картинки того, что он делал со мной. Пытаться найти ответ, почему, черт возьми, мне это нравилось. Как такое, вообще, возможно? Неужели я настолько развратна, распущенна и аморальна, что любой мужчина может заставить меня захотеть его, если приложит минимум усилий?

Но разве не так? Не то же ли самое случилось вчера на автостоянке, когда Нейтон начал целовать меня. Мне хотелось уступить ему, хотелось забыться, стереть воспоминания о чужих прикосновениях, которые до сих пор жгли мою кожу, заставляя гореть от стыда и презрения к себе. Кем бы я была, если бы позволила Нейтону Бэллу, этому золотому мальчику из богатой и влиятельной семьи с безупречной репутацией, стащить с меня трусики прямо в машине? А кем я была, когда позволила то же самое Итану, с которым была знакома считанные минуты.

Перриш наглядно показал мне мое истинное лицо. И оно мне не понравилось. Настало время в жизни что-то менять. Принять свои недостатки, извлечь уроки и научиться уважению к самой себе.

Когда в дверь звонят четвертый раз, я уже не смотрю в видеофон, точно зная, что на пороге очередной курьер с бу-

кетом цветов. Пусть я ненавижу любых представителей растительной фауны, необходимо признать, что так красиво за мной еще никто не ухаживал. И уж точно ни один из моих любовников не горел желанием знакомить меня со своими родителями. Учитывая, как высоко стоит семья Бэллов на социальной лестнице, я не могу не испытывать уважения к Нейтону, который кроме небольшого инцидента в машине, не предпринял ни одной попытки унижить или оскорбить меня. Напротив, он пустил меня в свой мир для избранных, и позволил мне почувствовать себя там своей.

Боже, мне так страшно снова оступиться, страшно довериться другому человеку, даже если он производит впечатление достойного молодого мужчины. Нейтон не похож ни на кого, с кем я общалась раньше. Умный, образованный, воспитанный, тактичный, спортивный, симпатичный, начитанный, самоуверенный, забавный... Я могу перечислять его достоинства до бесконечности, и у меня не хватит слов, чтобы описать все, что я чувствую рядом с ним. На таких людей хочется равняться, тянуться до их уровня, учиться и получать удовольствие только от того, что они считают тебя достойной своего внимания.

А еще я не могу не думать, как было бы некрасиво по отношению к Нейтону использовать его, а ведь в глубине души именно это мне и хочется сделать. Он может стать моей крепостью, гарантом на случай возвращения Перриша и его секты в мою жизнь. «Бэлл Энтерпрайз», судя по словам Мак,

единственная корпорация в городе, которая не по зубам Рэнделлу. Этот финансовый кит способен раздавить «Перриш Трейд», как бы хитроумно не пытался вилять его руководитель. Нейтон, возможно, единственный в Кливленде мужчина, способный защитить меня. И, возможно, мне стоит дать ему шанс.

Настойчивый звонок в дверь возвращает меня в реальный мир из состояния глубокой задумчивости. Я открываю, будучи уверена, что за дверью курьер с цветами, но ошибаюсь.

– Раз букеты не работают, я пришел лично. Ты, конечно, имеешь полное право послать меня на хер, но я все равно никуда не уйду, – глядя на меня янтарными глазами, уверенно произносит Нейтон Бэлл. Я обхватываю себя руками, качая головой в знак поражения. Нейтон заходит внутрь, закрывая за собой дверь. На темных волосах и отворотах пальто блестят капли воды. Он принес с собой неуловимый аромат дождя и остывающего осеннего города, а еще запах кубинских сигар и лосьона для бритья со свежими цитрусовыми нотками.

– Мое приглашение в кино все еще в силе, Реджина, – хрипловатым голосом произносит Нейтон, пряча руки в карманах пальто. Губы его расплываются в озорной широкой улыбке, и я непроизвольно улыбаюсь в ответ. – Но сразу говорю, дождь льет, как из ведра.

– Я возьму зонт. Тебе придется подождать. Я не одета, – отвечаю я. И Нейт заметно расслабляется, не встретив отказа

с моей стороны. – Ты можешь сварить себе кофе. На кухне, – кричу я уже из своей спальни.

И когда возвращаюсь в гостиную, то на столике возле панорамного стола вижу два дымящихся кофе и плитку черного шоколада, которую, по всей видимости, он принес с собой. Сердце болезненно сжимается, скованное воспоминанием о другом мужчине, который варил мне кофе. Совсем недавно. А кажется, целая вечность прошла. Тогда все началось не с секса в машине, а именно с кофе. Одинокая девочка внутри меня нуждалась, чтобы о ней заботились. Итан сделал то, чего не делали другие до него. Проявил заботу после того, как получил от меня все, что хотел. Именно этим завоевал меня, а не своими способностями в постели. В очередной раз говорю себе, что, если бы я была по-настоящему нужна Итану Хемптону, то он нашел бы способ для того, чтобы мы были вместе. Но, возможно, причина не в том, что он любил меня недостаточно, а в том. Что я... никогда его не любила достаточно. Или в том, что любила не его.

– Реджина, когда я говорил, что предлагаю тебе встречаться я не имел в виду ничего оскорбительного, – произносит Нейтон, когда мы одеваемся в прихожей. Я поднимаю на него взгляд, ощущая прилив теплоты в груди. Я молчу, но не потому что не верю ему. Возможно, этой первый и единственный мужчина, достойный того, чтобы в него поверили. – Мы можем попробовать.

– Мне страшно, Нейт, – отвечаю я совершенно искрен-

не. – Страшно, что ничего не получится.

– Но мы не узнаем, если остановимся на полпути, не так ли? – мягкого спрашивает он.

Глава 3

Пять лет спустя.

Реджина

Я не могу дышать. Отчаянно дергаюсь, пытаюсь помочь себе, но ничего не выходит. Мои кисти прикованы наручниками к кровати, мою шею крепко держат руки мужчины, который управляет сейчас моей жизнью, и я не смогу дышать без его разрешения. Я не сопротивляюсь, это бессмысленно, и позволяю ему использовать меня так, как он хочет. Глоток воздуха, как поощрение для любимого питомца, и снова пропасть, раскручивающаяся перед моими глазами своими бесчисленными гранями и оттенками черного. Мне страшно, больно, я на краю бездны, я почти мертва, но он разжимает пальцы, отпуская невидимые точки на горле, и я снова дышу. Мучительно, убийственно, неправильно... Я не должна чувствовать свою агонию в контексте с безумным возбуждением.

Я чувствую себя грязной, сумасшедшей. Может быть, я такая же, как он.

Мне не должно нравиться отдавать свою жизнь в его руки.

Но я делаю это. Снова и снова. Ночь за ночью.

— Пожалуйста, не надо, — срывается с губ отчаянное рыдание. — Я не хочу. Оставь меня. Хватит!

– Все хорошо, Реджина. Я с тобой. Ну же, малышка. Открой глаза. Это я, Нейт. Это просто кошмарный сон.

И это тот самый неловкий момент, когда, просыпаясь с криком на губах и глядя в испуганные глаза мужа, задаешься мысленным вопросом: а как много я успела наговорить во сне?

– Что тебе снится, Реджи? – спрашивает Нейтон, обнимая меня и привлекая к своей твердой груди. Он такой горячий, а я трясусь от озноба, все еще ощущая острую нехватку кислорода, и отвратительное мне самой нездоровое желание.

– Я не знаю, – качаю я головой, прижимаясь к нему крепче.

– Ты рассказывала о своих кошмарах психологу? – спрашивает он, поглаживая меня по спине, большими сильными ладонями, и добавляет, когда я отрицательно качаю головой: – Тебе необходимо сказать.

– Но не я наблюдаюсь у мистера Томпсона, – я пожимаю плечами, постепенно расслабляясь в руках Нейтона. – То есть, мы всегда с Эми вместе на встречах с доктором, и я бы не хотела пугать ее рассказами о кошмарах. Она только начала выходить из своей скорлупы и общаться с другими детьми. Док говорит, что Эсмеральда совершенно нормальный для своего возраста ребенок. Просто с более развитым воображением, чем у ее сверстников.

– Я в этом и не сомневался. Просто некоторым детям надо немного больше внимания и любви. Я был тоже немного за-

мкнутым до определенного возраста. Отец рассказывал, что я часто разговаривал с вымышленным другом, которого никто, кроме меня не видел, а потом родился Эрик и все встало на свои места.

– Ты намекаешь? – я с зарождающейся улыбкой смотрю в теплые янтарные глаза Нейтона. Он спускает с плеча бретельку атласной комбинации и накрывает ладонью мою грудь.

– Я не просто намекаю. Я думаю, нам необходим еще один ребенок. Эсми нужен брат, а мне...

– Наследник? – смеюсь я, приподнимая бедра и позволяя мужу стянуть с меня трусики. – А если родится девочка?

– Я буду ее обожать и лелеять, – широко улыбаясь, обещает Нейтон, раздвигая мои ноги и оборачивая их вокруг своих бедер.

– Нейт, тебе вставать через пару часов, – запоздало вспоминаю я, и закусываю щеку изнутри, чувственно стону, ощущая, как он осторожно наполняет меня собой и начинает медленно ритмично двигаться.

– Ты такая сладкая, Реджи, – хрипло шепчет Нейтон и целует меня в губы. Я впиваюсь пальцами в его плечи, подстраиваясь под ритм, и уже точно зная, сколько мне понадобится времени, чтобы получить разрядку, и что он скажет после. Никогда не думала, что мне будет нравиться предсказуемый, уютный секс. А сейчас, после очередного кошмара, он мне жизненно необходим.

– Мне так хорошо с тобой, Реджи, – произносит Нейтон, когда все заканчивается. Мы лежим, переплетаясь руками и ногами, задышающиеся и уставшие. Я смотрю в его нежные, выразительные глаза, очерчивая пальцами волевою линию подбородка, и понимаю, что никогда в жизни не встречала мужчину лучше, чем Нейтон Бэлл.

– Ты слишком идеальный Нейтон. Иногда мне так страшно... – бормочу, заставляя его рассмеяться над моими словами.

– Чего ты боишься, глупышка?

– Что ты разочаруешься во мне, разлюбишь, найдешь кого-то такого же правильного...

– В тебе есть все, что мне нужно, Реджина, – уверенно отвечает Нейтон.

– Но твой отец так не считает.

– Мой отец своеобразный человек старой закалки. Он считает, что я пренебрег своими обязанностями по укреплению влияния нашей семьи. Ему необходим был мой брак с Сарой Грин. Но я уже рассказывал тебе, что мы не просто так расстались. Это было обоюдное решение.

– Гарольд любит твою мать. Хотя это и был династический брак, слияние двух влиятельных семей, – замечаю я, чувствуя, как застаревшая обида снова тревожит сердце. Нейт может и не замечает, но меня очень задевает пренебрежительное отношение ко мне Гарольда Бэлла. От одного его взгляда мне хочется спрятаться в самый темный угол, и ни-

когда оттуда не вылезать. Этот мужчина меня ненавидит и считает недостойной Нейтона.

– У родителей бывали и сложные времена, – вдохнув, произносит Нейт, запуская пальцы в мои волосы и массируя затылок мягкими поглаживаниями. От удовольствия я почти мурлычу. – Но они справились. *Счастье никогда не дается легко, Реджина. За него нужно бороться.*

– Обещай, что всегда будешь бороться за наше счастье? – тихо прошу я, чувствуя болезненный спазм в области груди.
– *Обещаю.*

Я закрываю глаза и слушаю ровное, родное биение его сердца. Мне так хорошо с ним. То, что чувствую, совсем не похоже на то, что было с другими мужчинами. Я могу верить ему. Я могу говорить с ним. Мне не нужно оправдываться, не нужно бояться. Мне нравится позволять ему любить меня. Мне нравится делать его счастливым. Мне нравится делать счастливыми всех нас.

Мне нравится думать, что так будет всегда.

– Помаши папе ручкой, Эсми, – ставлю дочь на подоконник, придерживая рукой за талию. Мы вместе машем Нейтону, который подходит к черному «Майбаху» на стоянке перед домом. Я не могу не любоваться своим безукоризненно-элегантным мужем. Он выглядит, как суперзвезда, при

этом чертовски умен, начитан и... О, черт, Нейтон Бэлл идеальный. Слишком хорош для меня.

Прижимаюсь щекой к пушистой кофточке Эми, чувствуя поднимающееся внутри волнение. Нейтон запрокидывает голову, прежде, чем сесть в машину и поднимает руку. Я тепло улыбаюсь ему, ощущая, как невольно краснеют щеки. Два часа до рассвета мы провели очень нескромно и горячо. И, надо признать, Нейт не выглядит не выспавшимся. Напротив, бодрым, полным сил и довольным собой.

– Твой папочка самый лучший, – шепчу я в избытке нежных чувств, когда машина скрывается из виду. Отпускаю Эсмеральду на пол.

– Ты опять все перепутала, мам, – смеется девочка, качая хорошенькой головкой. Темные кудряшки задорно подпрыгивают вверх и опадают на пухлые детские плечики.

– И что же я перепутала, Эми? – с улыбкой спрашиваю я, поправляя юбку на дочке.

– Это секрет, мамочка, – она делает забавную гримаску и бежит к Анне, которая только что зашла в гостиную.

– Стой, Эми. Объясни, что ты опять придумала? – с тревогой спрашиваю я, заставляя себя вежливо улыбнуться няне Эсмеральды.

– Мне срочно нужно покормить Бу, – сообщает девочка, скрываясь из поля зрения.

– Бу? – вскинув брови, спрашивает Анна Мартел, вопросительно глядя на меня. Мы наняли ее, когда дочери испол-

нился год. Я бы и сама справилась, но Нейт хотел, чтобы мы иногда проводили время вместе. Вне дома.

– Она снова начинает придумывать. Хотя доктор говорит, что это нормальное явление для четырехлетнего ребенка, я все равно волнуюсь.

– Джина, Эсмеральда – очаровательная, умная девочка, которая развивается для своих лет очень стремительно. Оставь ей мир фантазий хотя бы до школы. Это совершенно естественно.

– Ты правда так думаешь? – с надеждой смотрю на высокую и статную Анну со смуглой кожей, черными, как ночь глазами и шоколадного оттенка волосами. Анна Мартел имеет психологическое и педагогическое образование и няней работает уже лет семь. Опыт у нее более, чем достаточный для того, чтобы я могла с ней советоваться.

– Я уверена, – мягко заверяет она.

Итан

– Не понимаю, чем я могу тебе помочь, Хемптон, – Мак закидывает длинные ноги на стол, закуривая сигарету. Она не ожидала моего визита, и не удосужилась одеться, когда я пришел. Стараюсь игнорировать полуголую сексуальную девушку в нижнем белье, прозрачном в самых интимных местах, отвлекаясь на небольшой кавардак в гостиной. Разбросанные по полу вещи, пустые бокалы на столе, переполненная пепельница говорят о том, что девушка явно провела

бурную ночь и не одна. Ее право. Мы все тут не обременены нравственностью.

– Брось, Кайла, ты все прекрасно понимаешь, – я кладу на ее колени утренний выпуск газеты, где на первой странице красуется фотография Нейтона Белла, выдвинувшего свою кандидатуру на пост мэра Кливленда. Типичный американский молодой красавчик в обнимку со своей супругой. Какое-то время огненно-рыжая Мак и я смотрим на лицо его жены – Реджины Бэлл. Сдержанная улыбка, идеальная прическа и стильное строгое платье с высоким глухим воротом и длинными рукавами. *На публике она никогда не сможет позволить себе декольте.* Кайла глубоко затягивается, поднимая на меня глаза, и медленно выдыхает дым неровными серыми кольцами.

– Я вижу, что это Кальмия. Что дальше? – спрашивает Мак, стряхивая пепел прямо на стол. Ее взгляд с пристальным любопытством наблюдает за мной. Я часто задаюсь вопросом. А сколько ей лет? Идеальная красавица без единого изъяна. Выглядит умопомрачительно даже с включенными после бурной ночи волосами. Кажется совсем юной, если бы не этот взгляд.

– Он – ее задание, не так ли? – задаю я другой вопрос, волнующий меня гораздо больше с той минуты, как утром я глянул на заголовки газет.

– Серьезно? Пять лет? И родила она ему ради задания? – кривая усмешка скривила губы девушки. Она передернула

хрупкими плечами, откидывая за спину длинную копну рыжих волос, раздраженно глядя на мое вытянувшееся лицо. — Господи, Итан, не смотри так, словно я тебе тайну века открыла.

— Я действительно ничего не знал, — сделав небольшую паузу и проглотив образовавшийся в груди комок, произношу немного хрипло. — Я год назад только из Майами вернулся.

— И мы все в недоумении какого черта ты вернулся. Почему тебе не жилось нормально? Ты не один. Тебе есть для кого жить.

— У каждого есть своя жизнь за стенами Розариума, — возразил я раздраженно.

— Нет, — резко бросила Мак, туша окурков в пепельнице, и убирая ноги со стола. — Розариум — моя жизнь. Рэнделл и его задания — моя жизнь. Но если бы я начала сомневаться и ушла, то никогда бы не вернулась.

— Он забрал у меня то, что мне было дороже его долбанных идей.

— Так какого черта ты вернулся, Итан? Задай себе вопрос. И ответь. Ты такой же, как мы все. Тебе нужен поводок. Ты не мыслишь жизни без ошейника Перриша. Все теряет смысл, даже если ты его ненавидишь, презираешь или боишься. Он дает тебе ощущение власти, игры с мнимо-твоими правилами. Это как наркотик, Итан. Мы все на нем сидим с тех пор, как получили первый в своей жизни конверт.

— Ты сумасшедшая, — я качаю головой, яростно стискивая

зубы. Частично я согласен. Я ненавижу Перриша, но понимаю, что теряю почву под ногами, когда не... О, черт, почему я не могу избавиться от желания понять, наконец, что внутри у этого ублюдка, вскрыть его череп и рассмотреть его мозги с детальным интересом, поковыряться в извилинах, чтобы перенять все, что он делает с нами. Если я узнаю Секрет, то у него не будет Власти надо мной. Я хочу уничтожить его точно так же, как он сначала спас, а потом раздавил меня, показав, что я лишь его инструмент, предназначенный для работы, лишенный собственной воли и чувств. Мы клоуны на арене его цирка, необходимые для того чтобы развлекать того, кто стоит за ширмой и наблюдает за представлением. Когда опускается занавес, он никогда не бывает удовлетворен. НЕ смешно! Скучно! Предсказуемо!

И я хочу понять, как он это делает. Четыре года, что я провел в Майами меня ломало, меня сотрясал гнев, я просыпался в холодном поту, ощущая горло Перриша под своими руками. Я душил его снова и снова, а потом... Однажды я это сделаю, Рэнделл Перриш. Когда ты будешь на пике успеха, я заставлю тебя упасть, ты не умрешь своей смертью. Это я тебе гарантирую.

– Мы все сумасшедшие, Итан, – горько отвечает мне Мак, закуривая очередную сигарету. Она опускает голову вниз и волосы падают на ее лицо. – Это то, что позволяет другому сумасшедшему держать нас на привязи. Но раз именно так мы сохраняем разум, нам стоит держаться вместе. Это моя

терапия, мать твою. Понимаешь?

– Сколько тебе лет? – спрашиваю я, чувствуя, что Мак на грани срыва. У каждого из нас своя трагедия. Своя боль. Мы не просто так тут оказались. Нас выплюнула жизнь, а Перриш подобрал, отмыл и сделал своими идеальными солдатами.

– Какое это имеет значение? Двадцать шесть, – улыбается мне сквозь сизую пелену дыма. – Мне кажется, что сорок. Я умирала слишком часто, чтобы мне было всего двадцать шесть.

– То же самое, Мак. Но я не умирал. Я терял тех, кого люблю.

– А у меня никогда не было тех, кого я люблю, Итан. Я выросла в приемной многодетной семье, где меня использовали как рабочую силу днем, и как шлюху ночью. Знаешь, как Рэнделл вышел на меня?

– Понятия не имею, – качаю я головой. Мне сложно слушать чужие трагедии. Мне хватает собственной боли и ярости, и слепого гнева, который круглосуточно живет во мне, не зная освобождения.

– Они били меня. Били часто. Так, что я дважды оказывалась на реанимационном столе с пробитой головой. Меня бы убили, понимаешь? Я никому не была нужна. Никто не писал заявления. Я боялась свою семейку, как огня, и молчала, говорила, что упала, что свалилась с лестницы, что напилась на вечеринке и меня побили неизвестные. Свидетелей, разу-

меется, никогда не было. Один из врачей... – она осеклась, закусив губу, словно продолжать ей было сложно. – Один из врачей, молодой хирург. Он понял, но я брала вину на себя, и сделать ничего было нельзя. Видимо, он был как-то связан с Перришем. Может быть, был должен ему. Рэнделл забрал меня из больницы. И, знаешь, если сравнивать то, кем я была в семье, где меня убивали и насиловали, и то, кого сотворил из меня Перриш, то в моих глазах он однозначно почти Бог.

– Я никогда не сомневался в том, что у каждого из нас есть причины быть благодарными Перришу, – отстраненно произношу я, не собираясь выслушивать очередную оду Великому Перришу.

– Подожди...

– Да?

– Знаешь, я влюбилась в того доктора. Рэн... ну ты его знаешь. На спасителя он не похож, и не умеет быть обаятельным, а вот хирург был настоящим героем в моих глазах. Я влюбилась, впервые почувствовав человеческое отношение. И знаешь, когда я поняла, что не имею права на личную жизнь, на брак и на счастье? Что у всего в этой жизни есть цена? И у спасения тоже... – судорожно втянув сигаретный дым, Мак приподняла подбородок, глядя мне в глаза. – Во время первого задания.

– Первое задание? – мрачно спросил я.

– Мартин Роббинс. Он доставался каждой девушке. Лиса не единственная, Итан. Может быть, тебе не станет легче, но

еще никто не выполнил задание. И Мартин умеет держать свои секреты. Точнее, его секреты давно известны Рэнделлу. Роббинс один из его агентов. Мы не единственное подразделение Розариума, Итан. После первого задания мои иллюзии осыпались пеплом. Я пережила свою первую любовь, а потом моей единственной и вечной любовью стал Рэнделл Перриш.

– Ты это серьезно? – скептически спрашиваю я.

– Абсолютно. Он живет в каждой из нас. Он живет в тебе, иначе бы ты не вернулся. Любовь бывает такой разной. Мы одержимы нашим демоном, который давно поглотил наши души.

– Ты не марихуану куришь случаем? Я не ощущаю никакой одержимости Рэнделлом.

– Это главный симптом, – хрипло смеется Кайла. – Алкоголик никогда не признается в том, что он болен алкоголизмом, пока не умрет от цирроза печени. То же самое с игроманами и наркоманами. Они все уверены, что способны бросить, но всегда возвращаются, если лечение не принесло результат.

– Ты можешь мне сказать телефон Лисы или ее координаты? – перевожу я тему, чтобы узнать то, что мне действительно интересно. – Я знаю, что ты была у нее последняя. Уверен, ты знаешь больше, чем говоришь.

– Если ты прав, и Лиса настолько сдурела, что стала рожать детей объекту, то неужели ты думаешь я отвечу честно на твой вопрос? – Мак иронично улыбается, стряхивая пе-

пел с сигареты.

– Хочешь сказать, что это не задание?

– Нет.

– Я не верю в такие совпадения. Рэн точно не упустит шанс использовать Лису.

– Здесь я согласна.

– Мне нужно ее предупредить.

– Слишком поздно.

– Что? – внутри меня все похолодело. Я подумал на самое плохое. Но Кайла развеяла мои сомнения.

– Ты должен был сделать это раньше, – пояснила девушка, закидывая ногу на ногу и лениво покачивая ступней. – Еще пять лет назад. Ты мог быть на месте Бэлла. Ты сбежал, испугавшись сложностей.

– Я не мог... Черт, Мак. Это невозможно. Я увидел ее понял, что он прикасался к ней. Я просто не смог. Мне было проще сбежать, чтобы никогда ее не видеть, чем каждый раз дотрагиваясь до нее, думать, что он делал то же самое. Я бы свихнулся от этих мыслей, понимаешь?

– Ты же знаешь, что Лиса попала в ловушку, что все было подстроено. Мартин умеет ввести в заблуждение. У него гораздо больше опыта, чем у нас всех вместе взятых.

– Черт, да причем тут Мартин?

Реджина

В какой момент я поняла, что чуда не свершится? Что

счастливая и спокойная жизнь с хорошим мужем и дочкой не для меня?

Наверное, с самого начала. Когда сблизилась с Нейтоном, когда позволила ему войти в мою жизнь, когда согласилась на его предложение, когда мы венчались, глядя друг в друга в глаза.

Я же понимала, что он не тот человек, с которым можно спрятаться от всего мира. Совершенно не тот. Как бы ни любил меня Нейтон Бэлл, он никогда не сможет принять моего прошлого, которое настигнет меня. Рано или поздно...

И каждый день из счастливых пяти лет брака, я просыпалась с одним и тем же страхом.

Рэнделл Перриш вспомнит обо мне.

И это случилось. Не могло не случиться. Я предвидела, знала, чувствовала. Я превратилась в ходячий маниакальный комок нервов в тот момент, когда увидела в списке конкурентов на пост мэра имя еще одного кандидата, забыть которое пыталась, но так и не смогла.

Мартин Роббинс.

Он, все-таки, стал окружным прокурором, как и планировал. Хотя бы в этом он не солгал. Но поста прокурора ему оказалось мало. Теперь он метит в мэры. И отлично зная того, кто стоит за его спиной, я не сомневаюсь, что дни моей размеренной жизни подходят к концу.

И когда этот момент настал, я испытала скорее облегчение, чем ужас. Мои страхи материализовались, и я должна взгля-

нуть им лицо. Снова.

Мы никогда не должны были встретиться снова. Никогда. Эта мысль прочно засела в моей голове, и я повторяла ее как мантру снова и снова, пока гнала свой Майбах на бешеной скорости вдоль береговой линии озера Эри, все дальше от Кливленда. В окно моросил дождь, как обычно бывает в это время года, монотонно стуча в стекло. Мимо мелькнул огонек самого древнего из ныне действующих маяков Великих Озер. Дождь усиливался, и дворники на лобовом стекле не справлялись, ухудшая видимость до минимума. Наплевав на здравый смысл и инстинкт самосохранения, я прибавила скорость, сворачивая на второстепенную дорогу, ведущую напрямик к особняку в пустынном, холмистом пригороде Кливленда. Находящийся на возвышении дом из стекла и бетона, с окнами во всю стену и развлекательной площадкой на крыше, уже появился в зоне моей видимости, всколыхнув в душе ненужные воспоминания. Закусив губу, я произвольно сбросила скорость, разглядывая хрустальный замок, с крыши которого открывался фантастический вид на озеро. Когда-то он был моим домом, не совсем моим и очень недолго, но, все-таки, был.

Мы не должны были встретиться снова.

Я от всего отказалась ради того, чтобы он позволил мне.

Никогда не видеть его снова.

К черту обещания. Он никогда не держал ни одно из тех, что давал мне. Я ненавижу его больше, чем способен один человек ненавидеть другого. Больше, чем сама от себя ожидала. Но меньше, чем он заслужил.

И если мои пальцы, одна за другой, дергают из пачки сигареты, значит он победил. Снова.

Мне не все равно. И никогда не будет все равно.

Быть равнодушным, циничным, эгоистичным ублюдком – исключительно его прерогатива. Его любимая роль – маска, которая никогда не жмет и срослась с омерзительно-красивым лицом так плотно, что не оторвать. Хренов кукловод, который чувствует себя королем мира настолько, что верит в то, что именно им и является.

Мне казалось когда-то, что *я знаю его*.

Мне просто казалось.

Неужели я верила, что все закончится? Что Рэнделл Декстер Перриш оставит меня в покое, просто потому что ему надоело играть, и я выполнила возложенную на меня миссию?

Что, если он никогда не переставал играть? А четыре года моей семейной жизни были лишь эпизодом, небольшим подарком за отлично-проделанную работу?

Моя голова взрывалась от миллионов «если» и «может быть».

Мы никогда не должны были встретиться снова... и вот я поднимаюсь по парадной лестнице к дверям огромного стек-

лянного особняка, состоящего практически из одних окон. Мастер создавать иллюзии. Я знаю, что эти стены защищают надежнее бетонных глыб. Никто никогда не доберется до настоящего Рэнделла, никто никогда мельком не сможет взглянуть на то, как он живет и чем дышит, никто никогда даже на йоту не приблизится к тому, чтобы понять, что скрывается за холеной внешностью миллиардера, заработавшего свой первый миллион в восемнадцать лет. Ему достались феноменальные способности и нервная система шизофреника с манией величия.

Он вытащил меня с благотворительного вечера всего одним сообщением. Ему даже звонить не пришлось. Не удосужился.

«Ко мне, Кальмия.»

И я здесь, как чертов питомец, которого призвал хозяин. – Что ты хочешь? – сразу перехожу в наступление, когда вижу его в полумраке гостиной. Горит нижний свет, но его достаточно, чтобы я узнала в высокой, мощной фигуре Рэнделла Перриша, и каждая клетка моего тела вспыхнула от ярости и негодования. И отчаянного желания заскулить и упасть к его ногам, чтобы умолять оставить мне мою жизнь. Он стоит у стены, и смотрит прямо на меня, стряхивая пепел с сигареты на мраморный пол, такой же холодный и идеальный, как хозяин дома. Не помню его курящим. То же самое он может сказать про меня. У него серые глаза, но отсюда кажутся черными, и я невольно сравниваю их с дулом писто-

лета, приставленного к виску. Рэнделл умеет убивать взглядом, и именно это сейчас происходит со мной. Весь воздух выходит из моих легких, я прижимаю ладонь к горлу, ощущая себя еще более жалкой и беспомощной. Иногда я думаю, почему он все еще жив, имея столько врагов? Почему никто до сих не добрался до него? Неужели нет силы, способной сокрушить этого отморозка?

И почему весь город закрывает глаза на его преступления? Мне хочется вклеить самой себе пощечину.

Очнись, идиотка. Ты знаешь, почему. Ты сама в этом участвовала. Совсем недолго. Можно сказать, что мне повезло.

– Ты немного возбуждена, Алисия, – совершенно спокойным голосом произносит он, и я вздрагиваю, когда эти хрипловатые чувственные вибрации проходятся по моему телу, вызывая мелкую дрожь. Взгляд и мозг – не единственное его оружие.

– Даже, если и так, то ты вряд ли знаешь, что это такое! – бросаю я, хотя понимаю, что избрала неверную тактику. Дразнить зверя на его территории чревато, но что мне может угрожать? Я не видела других машин на стоянке. А сам он меня не тронет.

– Пойдем со мной, Алисия, – он в два шага оказывается возле меня, и я не успеваю даже глазом моргнуть, как он берет мою руку, и от соприкосновения моей кожи с его мне хочется зашипеть, но я с невероятным усилием сдерживаю

себя. Если буду рычать и показывать зубы, то только продлю агонию.

Мне нужно знать, что он хочет.

И поэтому я позволяю ему вести меня к лестнице. А потом все выше и выше. Второй, третий этаж, и мы на крыше. Дождь закончился, но не уверена, что его остановил бы какой-то дождь. Я стою у Рэнделла за спиной, чувствуя себя маленькой букашкой на раскрытой ладони Перриша, который рассматривает меня с любопытным азартом, прежде чем начать отрывать крылышки и лапки. Вся шутка в том, что ассоциация возникает, когда я просто смотрю на его темноволосый затылок и мощную линию шеи в вырезе темного свитера. Страшно представить, что будет, когда он обернется... Мурашки покрывают кожу, но дело не только в ледяном ветре, который дует с озера.

– Здесь прохладно, – произносит он, не оборачиваясь. – Твое платье такое тонкое. Ты замерзла?

– Немного, – тихо отзываюсь я, не замечая потрясающего пейзажа внизу. Дом находится на холме, и вид отсюда открывается сногшибательный. Я знаю... Знаю, потому что была здесь не раз. Я не успеваю даже моргнуть, когда он одним резким движением снимает с себя свитер и накидывает его мне на плечи. О черт! Идти следом за ним и игнорировать знакомый аромат его парфюма со свежими морскими нотками было гораздо проще. Сейчас же я была окутана им, и я задыхалась. В прямом и переносном смысле.

– Иди сюда, – снова зовет он, глядя вниз и протягивая мне свою руку. Я автоматически хватаюсь за нее, делая шаг вперед. Мы на самом краю. Не смотрим друг на друга. Я просто не хочу, а он – не знаю. Мое сердце так стучит, что я чувствую, как оно бьется о ребра.

Я ненавижу тебя, Рэнделл Перриш, за то, что не могу послать к черту прямо сейчас. За то, что перед нами ограждение высотой по пояс, иначе я бы столкнула тебя вниз и ушла, даже не обернувшись. Но ты знаешь, ты всегда готов. Тебя это даже забавляет – все мои кривляния и попытки не выглядеть жалкой и трясущейся от страха.

– *Посмотри, Лиса. Что ты видишь?* – мягким, приглушенным голосом, спрашивает Рэнделл. Он перемещается и теперь стоит за моей спиной. Горячие ладони с длинными пальцами на моих плечах. Черт, он же не сбросит меня вниз? Он может, я знаю... Боже, нет. Я всхлипываю, проглатывая слезную просьбу прекратить мои мучения и озвучить то, ради чего он меня вызвал.

– Озеро, берег Канады напротив, порт и серая мостовая внизу. Машины, и люди, – бормочу едва слышно. Мой голос напоминает писк пойманной в мышки, жалкий, надломленный.

– Ты видишь их отсюда? – тихий вопрос, заданный практически у моего уха, теплое дыхание шевелит волосы на затылке, и я с ужасом чувствую, что мои ноги начинают дрожать от ощущения неминуемой катастрофы.

– Кого? – из-за волнения не улавливаю сути вопроса. Перриш сжимает мои плечи через его свитер, причиняя несильную боль.

– Людей, конечно. Ты видишь их, Алисия?

– Нет, – отчаянно мотаю головой, и пальцы еще сильнее впиваются в мою кожу.

– Тогда зачем ты говоришь, что они там есть?

– Я просто знаю, Рэн. Мне больно. Пожалуйста... – взмолилась я, пытаюсь обернуться, но он не позволяет, удерживая в исходном положении. Хватка ослабевает и теперь он просто мягко гладит ладонями мои дрожащие плечи.

– Я не видел тебя пять лет, но знал, что ты там есть... где-то.... Лиса, скажи мне... *Ты была счастлива?*

– Да, – я снова всхлипываю, ничего не могу с собой поделаться. Слезы текут по щекам, капая с подбородка. И даже соленый ветер не успевает высушить их. – Очень, Рэн. Я очень счастлива.

– И ты помнишь, кто помог тебе обрести это счастье? – я чувствую, как его щека касается моей. Черт, он делает это, кладет голову на мое плечо, словно мы гребанные друзья или любовники, хотя мы никогда не были ни тем, ни другим. Он был королем, а я пешкой, лицом в толпе, которое он выделил, чтобы использовать в своих интересах. Не уверена, что он вообще видел во мне женщину. У этого мужчины не было эмоций и инстинктов. Он – машина, которая делает деньги и идет по головам к вершине социальной лестницы.

– Я помню, Рэн, – шепчу едва слышно. Он сделает это. Уничтожит меня. Ему даже говорить не нужно. Я знаю. Чувствую. Его щека ощущается неправильно. Она слишком теплая, слишком нежная для мужчины, который родился без сердца. Я не понимаю, зачем я делаю то, что делаю – сгибаю руку в локте и зарываюсь в его темные волосы, перебирая жесткие пряди. Он застывает, но только на мгновение, потом улыбается, чувствую его улыбку своей щекой и это совершенно жуткое абсурдное ощущение. Мне кажется, что я делала это раньше, но я точно знаю, что никогда, никогда не прикасалась к Рэнделлу Перришу, никогда не была так близко к нему, как сейчас. Но было время... Мне стыдно признаться, я мечтала о том, чтобы дотронуться до него, просто дотронуться. Но трахать меня никогда не входило в его планы. Это я должна была трахать того, на кого он покажет пальцем. Причины могли быть разные, но факт оставался фактом. И, приняв истину, я перестала мечтать о его прикосновениях и забыла, что вообще когда-то считала его привлекательным.

То, что он сделал со мной, во что превратил, до сих пор живет во мне, и я мечтаю однажды стать прежней, но только это невозможно. Оттуда, где я побывала, не возвращаются. И я просто делаю вид, что живу с круглосуточной анестезией.

– Что ты хочешь, Рэн? – задала я самый волнующий меня вопрос.

– Я тоже хочу быть счастливым, Лиса, – медленным,

немного задумчивым тоном, отвечает он мне.

– И что может сделать тебя счастливым?

– Ты, – просто выдыхает он, и я затаиваю дыхание, пытаясь переварить услышанное. Понятно, что Перриш ведет свою игру, которую мне сложно понять с моим скудным умишком, но на долю секунды это короткое «ты» напомнило меня горечью. Я думаю, что он знал... Знал, что я когда-то чувствовала к нему, и ему нравится, нет, он испытывает садистское удовольствие, когда бьет в самое уязвимое место, выставляя полной душой. – А теперь задай мне правильный вопрос, Алиса.

– Как я могу сделать тебя счастливым?

– Нет. Попробуй еще, – он отрицательно качает головой.

– Что может сделать тебя счастливым?

И снова чувствую его улыбку. Огни Кливленда, которые хорошо просматриваются отсюда, расплываются перед глазами.

– Этот город может сделать меня счастливым, Лиса.

– Но причем тут я?

– Мне нужен этот город, Лиса, – в голосе Рэнделла появились ледяные нотки, и до меня стало медленно доходить, что именно заставило Перриша вновь обо мне вспомнить. Стоило только его проклятому имени высветиться в моем мобильном, я напрочь забыла о своей настоящей жизни, мгновенно провалившись в грязное, отвратительное прошлое.

– Дело в моем муже... – выдыхаю я потрясенным шепо-

ТОМ.

– Он выдвинул свою кандидатуру на пост мэра. Его рейтинг высок. Он идеальный мэр для города, который я всегда считал своим. У меня есть человек, который может справиться с этим лучше.

– Я не могу заставить Нейтона отказаться от участия в выборах. Я не вмешиваюсь в его политическую карьеру.

– Тебе и не нужно. Сделай то, чему тебя учили когда-то, – равнодушно отвечает Рэнделл.

– Что?

– Найди мне компромат на него. Остальное я сделаю сам.

– Мой муж – хороший человек, на которого сложно что-то откопать.

– Не существует хороших людей, Алисия. Нам ли не знать? – иронично ухмыляется Рэн. – У каждого есть скелеты в шкафу. Трудность в том, чтобы заставить ими поделиться. Эта задача по зубам только жене, любимой женщине. Матери ребенка...

– Как ты смеешь! – яростно бросаю я, задыхаясь от охватившего меня гнева.

– Лиса, твой тон мне не нравится, – его руки с силой сжимают мою талию, оставляя синяки от пальцев. Черт побери, он специально это делает. Если Нейт заметит... Черт, мне придется избегать близости несколько дней.

– Я никогда не пойду на это, – безапелляционно заявляю

я.

– Придется, – в притворном сожалении вздыхает Рэнделл.

– Ты опустишься до шантажа?

– Нет. Я могу прямо сейчас решить твою задачу. Выслать один из самых горячих видеофайлов в СМИ, и завтра же от идеального имени твоего мужа ничего не останется, а все потому, что его жена в прошлом была горячей штучкой с неумными аппетитами. Но я не сделаю ничего из этого, Алисия.

– Нет? – недоверчиво произношу я, немного сдвигаясь в сторону, чтобы посмотреть на него, и он позволяет. Я тут же жалею о своем необдуманном поступке, потому что видеть Рэнделла Перриша близко – это слишком, слишком жутко, это потрясает до глубины души. В темных бездонных глазах я вижу свое отражение и что-то еще, пугающее, непостижимое. Совершенные черты его лица в нескольких сантиметрах от моего, в этот момент не кажутся обездушенными. На какой-то короткий миг я действительно верю, что он не хочет этого делать.

– Нет, – отрицательное покачивание головой. Я заворуженно смотрю в стальные глаза, которые сейчас кажутся расплавленным серебряным озером, покрывшимся коркой льда. Сложно представить подобное, но я представила... глядя на него. – Я просто скажу ему правду, Алиса.

– Какую правду? – заикаясь спрашиваю я, чувствую, как внутри начинает нарастать паническая взрывная волна. – Он

тебе не поверит. Нейт любит меня. Чтобы ты ни сказал...

— Он поверит. Мне и доказывать ничего не придется. К тому же, есть определенные процедуры. Которые выявят правду в два счета.

— О чем ты, черт подери, говоришь? — хмурюсь я.

Рэнделл убирает от меня руки и сует их в карманы черных джинсов. Таким будничным я никогда его не видела. Обычно, он выбирал стильные костюмы делового плана. Что-то изменилось в нем. Я для него всегда была работой, а на работу положено ходить в костюме, чтобы дать понять, кто из нас босс. Ветер треплет его волосы, бросая темные пряди на глаза. Красивый ублюдок. И безжалостный. Больной на всю голову. Прищурившись, он смотрит на меня, задумчиво улыбаясь. Эта его ненормальная дикая улыбка всегда пугала меня сильнее, чем то, на что был способен его извращенный ум. Я все еще смотрю в мерцающие темно-серые глаза, застигнутая врасплох, запуганная, попавшая под его силовое поле. А потом он поднимает руки к моему лицу, и я открываю рот, чтобы закричать, но с губ срывается беспомощный хрип. В его пальцах черная шелковая повязка, которую он быстро завязывает на моем затылке, погружая во тьму. Несколько лет назад, то же самое сделал другой мужчина. Я позволила ему... Память несет меня еще дальше, прорвав плотину, которую я строила долгие годы. Еще одно мужское лицо всплывает в моей памяти, имя которого я заставила себя забыть. Итан Хемптон. Зеленоглазый блондин с телом атлета и озор-

ной улыбкой. Мое погружение в адскую игру Перриша началось именно с него. С Итана.

– Что теперь ты видишь, Алисия? – хриплый шепот возле самого уха, и горячее, обжигающее шею дыхание.

– Ничего, – жалко бормочу я, чувствуя, как быстро начинает вращаться вокруг меня темный лабиринт. Я дрожу от нахлынувших воспоминаний, способных разрушить тот образ, который я собирала по крупицам долгие годы. Мне казалось, что старый кошмар забылся, но Рэнделлу понадобились секунды, чтобы напомнить.

– Маленькая врушка, – мягкий смех заставляет встать дыбом волоски на моей шее. Я чувствую его пальцы в глубоком вырезе платья на спине. Он медленно ведет ими вдоль позвоночника, наслаждаясь моими моральными мучениями. – Скажи, что ты согласна, и я позволю тебе уйти обратно в свою счастливую жизнь, не зная той правды, которую я могу поведать твоему мужу.

– Я не могу предать Нейтона. Только не его. Как ты не понимаешь...

– Но ты уже предала его, Лиса, – мягко, но уверенно провозносит Перриш.

– Нет. Никогда. Я никогда не предавала своего мужа, – отчаянно отрицаю я.

– Ты предала его, Лиса, – твердо повторяет Рэнделл, и его голос бьет по оголенным нервам сильнее, чем кнут. Я отчаянно толкаю его, но он перехватывает мои запястья, убирая

за спину. Его тело не прижато ко мне вплотную, но мы близко. Мы, мать его, слишком близко, чтобы я могла думать... И тогда он добивает меня всего одной фразой. Чудовищной и абсурдной. – Ты предала его, позволив верить в то, что он является отцом твоей дочери.

Что? Он сумасшедший? Я застываю, слушая как где-то совсем рядом стучит его сердце. Он живой. Этот ублюдок не из мрамора, как его е*учий пол в гостиной, но мне не легче от открытия, которое я только что сделала. Он молчит какое-то время, давая мне передышку на то, чтобы я могла осмыслить его слова. Но в них нет никакого смысла. Он бредит. Я точно знаю, что родила свою дочь от мужа.

– Ты же понимаешь, зачем я надел на тебя повязку? – когда он снова начинает говорить, я все еще в прострации, в шоке от безумия этого мужчины. Мотаю головой, потеряв способность изъясняться человеческим языком. – Не лги хотя бы самой себе. Ты знаешь, что я прав.

– Ты ненормальный, больной ублюдок, – хрипло вырывается у меня, я дергаюсь, но он крепко меня держит, слишком крепко, для парня, который не выносит прикосновений. Вздрагиваю, когда Перриш дергает ткань с моих глаз. Часто моргаю, пытаюсь прийти в себя.

– Пять лет назад назад, Лиса. Оживи свою память, но я и так уверен, что ты помнишь.

– Эсми не ребенок Итана. Нет! – рычу я в отчаянии, и картинки прошлого, одна за другой, мелькают передо мной. Я

не могу отвлечься, фокусирую мысль на чем-то еще, и Перриш знает, как заставить меня думать о том, что ему нужно. Больной извращенец.

– Конечно, нет, – в его голосе звучат нотки раздражения. – Подумай, какие еще могут быть варианты?

Сердце застывает в груди, и я чувствую, как медленно ускользает почва из-под ног. Я бы упала, если бы он меня не держал.

– Это ложь, Рэнделл. Ты чертов лгун. Ни слова правды за все то время, что я провела в Розариуме. Я не стану играть по твоим правилам, – отчаянно дергаясь в его руках, кричу я, словно раненое и загнанное в ловушку животное.

– Я хочу рассказать одну историю, Лиса. Ты готова послушать? – невозмутимо спрашивает он, пресекая все мои попытки вырваться из его рук.

– Иди к черту. Сними с меня повязку и дай уехать отсюда. Мне не интересен тот бред, который ты снова собираешься вывалить на меня, – яростно шиплю я, сильно ударяя лбом в его грудь. Но он непробиваемая скала, бесчувственная машина, сдвинуть которую у меня никогда не хватит сил.

– Ты уедешь, Лиса. Я не собираюсь надолго задерживать тебя, – заявляет Перриш бесстрастным тоном. – Но ты же хочешь узнать ответ на свой вопрос?

– У меня нет никаких вопросов. Я не верю ни одному твоему слову.

– Ты веришь. Более того, ты знаешь, что я прав. У тебя

будет время проверить мои слова. До выборов остался месяц. Мы все успеем.

– Что? Ты совсем чокнулся? Я не собираюсь иметь с тобой ничего общего!

– Ты готова послушать историю, Лиса? – его голос с глубокими чувственными интонациями вонзился в мой разум, парализуя и подавляя волю к сопротивлению. Некоторые его феноменальные способности не изменились, не ослабели спустя годы. Он разрушает меня, даже когда просто говорит. Не смотрит. Не трогает, а произносит слова с размеренной обволакивающей интонацией, вводящий меня в легкий транс.

– Если ты перестанешь прикасаться ко мне... – хриплым, безжизненным тоном отвечаю я. И тогда он отпускает мои руки. Делая шаг назад, я не испытываю облегчения от освобождения. Он еще ничего не сказал, но я уже знаю, что моя счастливая и спокойная жизнь закончится здесь и сейчас.

– Я хочу рассказать, как увидел тебя первый раз, – сообщает он нейтральным тоном. Ставит перед фактом, заявляет. Даже когда Рэнделл спрашивает, его вопрос воспринимается как инструкция к действию.

– Ты уже рассказывал. Решил повторить пройденный материал?

– Замолчи, – резко обрывает он и добавляет гораздо мягче. – И послушай. В офисе «Перриш Трейд» я увидел тебя второй раз. Не буду лукавить – я тебя не узнал. Ты видела

мой офис. Сложно запомнить в лицо каждого из огромного муравейника, которым я владею.

– Мы говорим о людях, а не о муравьях, – с раздражением замечаю я.

– Ты считаешь это оскорблением? Чем муравьи хуже людей? Возможно, их бы тоже обидело такое сравнение. Человек – худший из паразитов, которых знавала Земля. Но речь сейчас не о том, как защитить планету от главной смертельной угрозы. Речь о тебе.

– Я вся внимание, – хмуро киваю я, снова отворачиваясь от него, и смотрю вниз, на побережье озера, где в порту идет разгрузка грузового судна. Я чувствую легкое головокружение, которое постепенно усиливается. Минутой позже появляется чувство тошноты, и я с трудом отвожу взгляд в сторону, пытаюсь глубоко дышать. Все мои мысли крутятся вокруг дочери и того, что имел в виду Перриш, заявив, что я обманула Нейтона. Я пытаюсь просчитать сроки, сопоставить факты. Это глупо, и я понимаю, что Рэн именно этого и добивался – посеять сомнение, запутать меня, напугать, свести с ума, а потом использовать, снова и снова. Господи, как же я ненавижу этого человека. Все, что я чувствовала к нему давно умерло, и сейчас я думаю, что только по-настоящему сумасшедшая женщина могла хотеть узнать его ближе, могла просто его хотеть, находить привлекательным, сексуальным, загадочным.

– В первый раз я увидел тебя в заведении Руана Перье, Ли-

са. Десять лет назад, – произносит он, заставляя меня вздрогнуть всем телом. Пальцы впиваются в балку ограждения. Я закрываю глаза, чувствуя пульсирующие давление под веками. Белые точки расплываются во мгле помутившегося сознания. – Ты вряд ли помнишь об этом моменте. Я, кажется, говорил тебе, что посещал его заведение. Но тебе и в голову не пришло спросить, не мог ли я тебя там увидеть. А разве не прощупывать всевозможные варианты я тебя учил?

– Я бы помнила... Мне кажется.

– Тебе много кажется, Лиса. Одно из моих качеств, и ты с ним знакома – когда того требуют обстоятельства, я могу оставаться незамеченным, не привлекать внимания. Этому легко научиться. Все шпионы и тайные агенты использовали вовсе не внешнюю маскировку. Это скорее внутреннее состояние, ты строишь стену между собой и миром людей, не видишь их, они не видят тебя. Все очень просто, на самом деле.

– Или ты стоишь спиной к окну и смотришь на всех в отражение стекла?

– А это уже иллюзии. Людям нужны тайны и загадки, им нужны такие, как я, чтобы ощущать себя наполненными, нужными, им необходим смысл для всего, что они делают. Они хотят, чтобы я вел поезд, где каждому из них досталось свое место и свой вагон. Понимаешь, о чем я?

– Никогда. И даже больше не пытаюсь, – резко бросаю я сквозь зубы.

– Ты лжешь. Но это неважно. Дразни меня, Лиса, – чувственная, вибрирующая интонация в его голосе обдает меня волной дрожи и жара, прилившего к лицу. – Это то, что мне всегда в тебе нравилось. Ты играешь на других инструментах – эмоциях. Тебе удалось то, чего не смогли другие. Но это тоже отдельная история, и мы обсудим ее в следующий раз. Руан один из моих должников. Он подонок, конечно, но, Лиса, такие как он есть, были и будут всегда. Я мог уничтожить его, но вместо Перье пришел бы другой. Куда проще контролировать тех ублюдков, которые оказались в моей власти, и извлекать свою пользу из сотрудничества.

– Невероятный цинизм. Ты еще находишь себе оправдания?

– Нет, я не нуждаюсь в оправданиях, как и в понимании, осуждении или любом мнении. Мне плевать, Лиса. Я все о себе знаю. Как и ты, если заглянешь глубже. Вот она, настоящая свобода, девочка. Прими в себе Дьявола и утешься, полюби его таким и приручи.

– Ты абсолютный псих.

– Возможно, но ты никогда не узнаешь наверняка, пока не побываешь в моей шкуре, – я не вижу, а ментально чувствую его улыбку.

– Мы говорили о Руане Перье, – холодно напоминаю я, стараясь не смотреть вниз и пытаюсь бороться с внезапно появившимся страхом высоты.

– Да, я иногда навещал определенных девушек, которых

мне предлагал твой бывший работодатель. Ты знаешь, как это происходит. Несколько шлюх приводят в комнату, где находится клиент, и он выбирает ту, что ему понравиться больше других.

Я почти подпрыгиваю, когда снова ощущаю прикосновение его пальцев к моей спине, и оно перекрывает потрясение от произнесенных им слов.

– Не бойся, – наклоняясь, шепчет он, согревая теплым дыханием основание моей шеи. – Тебя не было среди тех девушек. А если бы была, и мой выбор пал на тебя, ты бы этого не забыла. Это не самоуверенность. Просто факт. Девочки только начали демонстрировать свои достоинства, когда в открытые двери ввалилась еще одна. Совершенно неадекватная, не осознающая кто она, где и что вокруг происходит. Ты была в одних трусах, крошка. И судя по тому, как взбесился Руан, сбежала ты не от очередного клиента. Ему не сразу удалось тебя усмирить, ты дралась как тигрица, надо признать. Наблюдать было весьма интересно... Я запомнил розы на твоем теле. Мне сразу показалось, что они похожи на раны, зияющее раны, которые отображают происходящее в душе. Многие женщины делают татуировку чтобы привлечь внимание мужчин к определенным местам, но с тобой все было не так. То, что ты рассказала потом Итану, подтвердило мою теорию. Знаешь, что причинение физической боли с целью уменьшения духовной, как и нанесение себе различного рода шрамов, является психическим нару-

шением?

– Хочешь убедить меня в том, что я больная?

– Ты и так это знаешь. Я хочу сказать, что понимаю тебя, Лиса. Понимаю, что боль иногда зашкаливает и приходится перекрывать ее другой, чтобы отвлечься, выдохнуть, дать себе время на перезагрузку.

– Все сказал? – внутри словно что-то умирает, когда на меня обрушиваются воспоминания о нескольких месяцах в комнате, в которой держал меня Руан. Он колот мне героин, чтобы я не сопротивлялась, иногда заставлял нюхать кокаин. Я не видела различий между днем и ночью. Той девушкой была не я. Я даже вспоминаю о ней, как о каком-то другом человеке. Ему почти удалось раздавить меня. Раздавить полностью. Омерзительное животное. Вот кем является Руан Перье. Завистливый ублюдок, который хотел поиметь подружку своего партнера, как только увидел. Сразу после смерти Калеба, он заявился ко мне со своими головорезами. Я в один момент узнала о том, что лишилась покровителя и стала шлюхой. Моего парня еще не похоронили, а Руан Перье уже трахал меня. А когда ему надоело, немного подлечил и стал продавать.

– Ты такой же подонок, как и он. Даже хуже. Ты умнее и у тебя есть власть, чтобы остановить его, но ты этого не делаешь, – хрипло шепчу я, чувствуя, как сердце, надрываясь, бешено колотится о ребра.

– Лиса, людьми правят похоть и жажда денег. И то, и дру-

гое неискоренимо. Прости, забыл, еще еда, алкоголь и зрелища. Я не хочу озвучивать элементарные вещи. Спроси у своего мужа, почему правоохранительные органы города, который он собрался возглавить, не убирают таких как Руан. Не привлекают к уголовной ответственности, не сажают в тюрьму?

– Потому что за спинами этих ублюдков стоят такие, как ты, – ожесточенно отвечаю я.

– Все верно, малышка, – с ироничной насмешкой соглашается Рэнделл. – И вот твой ответ на вопрос. Я хочу владеть всем. И тогда смогу свободно действовать во благо города.

– Это смешно, Рэн. Я не хочу даже слушать этот бред, – качаю головой, обхватывая свои плечи руками. – Что было дальше? Когда ты увидел меня.

– Руан скрутил тебя и утащил в неизвестном направлении, а когда вернулся, я попросил, чтобы он отдал мне тебя... на перевоспитание. Как ты понимаешь, он отказал. Впервые, за все время сотрудничества. Руан дал понять, что сам не так давно заполучил себе новый трофей и еще не наигрался. Он пообещал мне, что через пару месяцев ты будешь уже готова к заказам. Я не стал настаивать, тем более, что передо мной стояли другие шикарные адекватные красавицы. Руан предложил мне взять твою подружку.

– Миа? Все-таки... – похолодев, бормочу я.

– Дай договорить, – холодно обрывает меня Перриш. – Я не захотел ее. Тогда я выбрал совершенно другую девушку,

и так вышло, что у Руана не появлялся достаточно долго. А когда вернулся, тебя уже не было. Да я бы и не вспомнил, если бы Руан сам не завел разговор, что обещанный трофей продан в хорошие руки. В последствии, увидев тебя в «Перриш Трейд», я сразу понял, что ты девочка с двойным дном, а когда навел справки по своим каналам, то вспомнил и о том инциденте у Руана, и о все еще работающей там Миа.

– Ты сказал, что ее появление не связано со мной, – едва слышно шепчу я, чувствуя, как ледяные порывы ветра забираются под платье, покрывая мою кожу мурашками. Рэнделл завязывает рукава своего свитера у меня на груди, и пока он это делает я стою в кольце его рук, словно в объятиях, ощущая волнами накатывающую на меня панику и что-то еще, неправильное, запретное, пугающее до дрожи.

– Я солгал. Это был единственный раз, когда я солгал тебе, Лиса, – завязав рукава свитера, он не убирает руки, удерживая ладони на узле под моей грудью. – Но ты и сама не поверила мне. Таких совпадений не бывает, правда?

– Где она? – резко спрашиваю я, толкая его и разворачиваясь. Мой взгляд с ненавистью скользит по идеальным чертам, и... я не могу ничего сделать, меня тянет к нему. О, черт, хочется разрыдаться от бессилия. Он говорил, что у меня есть оружие. Я бы все отдала, чтобы найти его сейчас и защититься.

– У тебя было в запасе много лет, Лиса, чтобы выяснить это, – в его голосе прозвучало разочарование, разозлившее

меня еще сильнее. Как он смеет осуждать меня? Как? – Она по-настоящему любила тебя, но ты всегда забывала о ней, как только твоя жизнь немного налаживалась. Разве не так?

– Не тебе читать мне морали, Перриш. Да, я из тех, кто переворачивает станицу, оставляя прошлое в прошлом.

– Это верно, если, конечно, получается. Но прошлое не тот зверь, которого можно приручить. Иногда он срывается с цепи и настигает, чтобы впиться зубами в глотку.

– Где она, Рэнделл? – требовательно спрашиваю я.

– Наш контракт закончился, и Миа вернулась туда, где я купил ее. Ты можешь навести справки, но жене будущего мэра не пристало болтаться по борделям, а вдруг кто узнает?

– Я и так каждый день живу со страхом, что кто-нибудь из окружения Нейтона окажется одним из клиентов Перье.

– Поверь, никто не осмелится сказать Бэllu в лицо, что трахал за деньги его жену, – он делает паузу, и неожиданно сжимает кольцо рук, привлекая меня к себе, я дергаюсь, но его хватка слишком сильна. – Никто, кроме меня, – склоняюсь к моему уху, произносит он.

– Я убью тебя, если ты это сделаешь, – дыхание со свистом вырывается сквозь стиснутые зубы. Я извиваюсь в его руках, как змея, пытаюсь освободиться.

– Нет. Ты сделаешь, то что я попрошу. Ты поможешь, если хочешь сохранить свою семью. Подумай о малышке Эсми. Каким ты хочешь, чтобы было ее детство?

– Как ты смеешь шантажировать меня ребенком?

– Это не шантаж, Лиса. Это просьба. Я могу подсказать тебе где искать то, что мне нужно, чтобы убрать твоего мужа из политической гонки.

– Нет, – я наклоняю голову, пытаюсь впиться зубами в его руки, но он разжимаем их раньше, чем я успеваю дотянуться. Падаю на пол, ударяясь коленкой о твердое покрытие.

– Извини, – он протягивает ладонь, чтобы помочь мне подняться, но одарив его яростным взглядом, я встаю сама. Подхожу в плотную, глядя ему в глаза.

– Никогда, слышишь. Никогда я не стану тебе помогать. Делай, что хочешь, – с презрением шиплю я.

– Поговорим, когда ты остынешь, – невозмутимо отвечает он со своей жуткой улыбкой. Берет мою руку и вкладывает в раскрытую ладонь черную повязку для глаз. – Тебе нужно время, чтобы принять верное решение. Не теряй его зря. Вспомни, кем является оппонент твоего мужа на пост мэра. Точнее, один из оппонентов. Ты всерьез думаешь, что то, что тогда произошло, не оставило последствий или свидетельств?

Одним движением срывая с себя свитер Рэнделла, я швыряю его в самонадеянное лицо Перриша, как и повязку, а потом бросаюсь на него, пытаюсь ударить, впиться ногтями в самодовольное лицо.

– Никогда даже не смей намекать на то, что моя дочь может иметь какое-то отношение к Мартину Роббинсу. Если эта тварь хоть слово вякнет, то я тоже молчать не буду. Слы-

шишь меня, Перриш? Я подпорчу репутацию твоему ставленнику. Вот увидишь. Я все поведаю о Розариуме и о том, чем ты там занимаешься. А еще я расскажу, что ты угрожал своей жене, что нанял людей, которые держали меня под дулом пистолета и избивали ногами. Ты, правда, думаешь, что я такая идиотка, чтобы молча и безропотно выполнять твои прихоти?

– Да, я так думаю, – схватив, мои запястья, Рэн с силой опускает их вниз, глядя мне в глаза тяжелым настойчивым взглядом. – А теперь успокойся и иди домой. Поцелуй свою дочь и притворись, что ничего не случилось. Я свяжусь с тобой, когда ты будешь готова.

Рэнделл

Я смотрю, как Лиса резко срывается с места и покидает территорию Розариума на своем красном «Maybach». Мой взгляд задумчиво провожает элитный автомобиль, несущийся на сумасшедшей скорости по трассе вдоль побережья озера Эри, порождая внутри чувства, имеющие некоторое сходство с беспокойством. Мне бы не хотелось, чтобы она попала в аварию, или сбила людей на перекрестке, не успев притормозить, или не справившись с управлением вылетела бы на встречку и в лоб столкнулась с другим автомобилем. В ней всегда жил дух противоречия и отчаянное стремление к самоуничтожению, но при всем этом стойкое желание жить и бороться всегда перекрывало разрушающие ее личность ка-

чества.

Годы не изменили ее. Время вообще не способно изменить кого-либо. Это миф, в который хочется верить тем, кто год за годом терпит насилие, наивно убеждая себя, что завтра тиран поумнеет, повзрослеет, встанет на путь истинный. Так не бывает. Или тем, в чьих семьях живут алкоголики, наркоманы, воры и убийцы. Люди слишком крепко держатся за свои грехи и дурные привычки. Даже если пытаются бороться с ними, то вместо одного зерна зла в их душах появляются новые, иногда их становится еще больше, чем было, и они начинают задумываться, а стоило ли стараться быть кем-то другим? Грех и порок заразительны и нет ничего зазорного в том, что люди стремятся к нему испокон веков. Желание нарушать правила и предаваться низменным инстинктам прописано в генах, это голоса предков и наша природа призывают к нам. Мы не рождаемся цивилизованными, нас такими воспитывает общество, навязывая свою социальную модель поведения. Но, по сути, с самого рождения мы лишены главного, что делает нас теми, кем мы являемся изначально – свободы. Но наше подсознание не согласено, оно сопротивляется, заставляя совершать поступки, которые кажутся отдельным категориям общества неприемлемыми, и находим в этом некоторое утешение, делаем прыжок в свою псевдосвободу. Человек не знает насыщения, если познал удовольствие от того, что совершает. Годы, опыт и давление социума смогут его научить притворяться, сдер-

живаться и играть роль «нормального», «одумавшегося», но на самом деле тьму внутри каждого искоренить ничем нельзя, как и пустоту, которая никогда не заполнится, если однажды образовалась в сердце.

Говорят, страдания делают людей лучше, заставляют взглянуть на мир иначе, «перерождаются» внутренне. Это тоже не совсем истинно. Все зависит от того, насколько глубоко затронули испытания его внутренние установки, насколько сильным был перелом.

Я видел слишком много живых примеров мужчин и женщин, которые не усвоили уроки, которыми награждала их жизнь, они не стали лучше, а, напротив, зачерствели и обозлились. Именно эта категория самая управляемая и удобная для меня. Я люблю грешников и люблю лицемеров, строящих из себя святош. Первые – честнее, и они сразу готовы играть по твоим правилам, потому как не пытаются прикрываться нравственностью, которая давно отсутствует в этом мире, и им достаточно выписать счет или стать для них предводителем, за спиной которого они почувствуют себя сильнее и увереннее. Вторые – лжецы. Разбивать их моральные устои куда приятнее, потому как их недолгое кривляние и наигранное возмущение заканчивается слепой одержимостью тем, кто разрушил их понятия и правила (достаточно хлипкие, на самом деле). В основе любого мировоззрения должна быть заложена нестигаемая уверенность, а не тот минимум, что нам вдолбили в головы, пока мы еще под

стол пешком ходили. А если уверенности нет – то ты мой клиент. Добро пожаловать в Розариум. Я не использую какую-то свою совершенную идею. Нет, это проверенный веками механизм, заимствованный у других знаменитых манипуляторов.

Лиса не лучше и не хуже остальных, которые прошли непростой извилистый путь, где за каждым поворотом ждал не белый свет новых перемен, а жизненный урок, который она с треском проваливала. Раз за разом. Она грешница, которая точно знает, что ей никогда не закрасить и не обелить свои грехи. Но что мне в ней нравится – она не играет, не притворяется. *Я сука* – говорят ее глаза, когда она смотрит на меня, но я сука, которая выжила, несмотря ни на что.

И если бы она была другой, то мы бы с ней сегодня не встретились.

Когда пять лет назад Мак сообщила мне, что задание запущено, я искренне хотел остановить задуманное, слишком хорошо помнил, как она стояла на подоконнике с твердой уверенностью сделанного выбора в глазах. Я слишком хорошо помнил мертвые глаза Линди, когда ее голова безвольно запрокинулась на мое плечо в тот момент, когда я отвязал ее от стула и взял на руки. В них было смирение. Облегчение. Лин слишком устала жить. Я не успел помочь ей и не смог защитить. Я просто вычеркнул ее, точно так же, как поступала Лиса с Мией и людьми из своего прошлого.

Я не сказал Алисии всей правды. Миа умерла два года

назад. Вернувшись к Руану, она сдалась, начала принимать наркотики, и, в конце концов, организм не выдержал. Миа никогда не просила меня забрать ее обратно, не просила о помощи, хотя, в последствии, мы неоднократно встречались в заведении Перье. Боюсь, что девушка так и не поняла, для чего была нужна мне. Присутствие подруги в Розариуме усыпило бдительность Лисы в момент, когда она еще была неуправляема и напугана сильнее, чем мне требовалось. Миа стала отвлекающим маневром, создавая вокруг Лисы мнимое поле безопасности и подпитывая умеренное чувство комфорта своим присутствием. Миа вряд ли поняла, что ей довелось сыграть немалую роль во влечении Лисы в Розариум. Но сама Миа мне была не нужна. Она казалась мне слишком слабой, чтобы стать цветком Розариума и слишком неинтересной, чтобы развлекать в спальне. Случайные жертвы случаются, если партию ведут сильные игроки.

Стоило мне увидеть и осознать, что из себя представляет Алисия Лестер, я сразу понял, что она та, кто необходим мне в главном и решающем раунде.

Почему? Что в ней было такого, чего я не заметил в других?

Возможно интуиция или неуловимые импульсы, вибрации, которые она излучала, заставляя всех вокруг смотреть на нее. С завистью, восхищением, похотью или раздражением, но смотреть и оборачиваться вслед. Лиса может быть и не осознает своего могущества, но в этой женщине заложен ген

Афродиты, Дианы, Клеопатры. Безнравственная, сильная, решительная, но умеющая показаться невинной, хрупкой и слабой. Она совершенна в своем несовершенстве. Загадка, ребус, который пленит любого, заставит возжелать найти тот самый ключ от всех дверей, за которыми Лиса прячет свои сокровища. Я изучил ее достаточно, чтобы понять – все двери ведут в пустоту. Никаких сокровищ, на самом деле, нет. Но сам процесс поиска... Он того стоит.

Лиса казалась мне нестигаемой именно из-за тех качеств, которые я в ней рассмотрел, но не рассчитал ее силы, и это я вынудил ее встать на карниз с твердой решимостью вылететь на свободу, словно птичка из клетки уставшей плененной души.

Вы знаете, уверен, что знаете, сколько эгоистов играют со смертью, с целью привлечь к себе внимание или оправдать собственные ошибки, или устраивают представление с псевдосамоубийством просто от трусости, глупости или назло кому-то? Каждая из таких попыток всегда продумана до мелочей. Записка, таблетки или веревка, или даже лезвие по венам, но игроки со смертью никогда не сделают решающий шаг, не будучи уверенными, что их спасут. Цель для них – потрепать нервы себе и другим. Я не осуждаю и не оправдываю их. Просто признаю, что они есть.

Лиса не ждала спасения, ее решение светилось в глазах. Так выглядят люди, которые дошли до стены, через которую им не пробиться, и осознали, что дальнейший путь обречен,

это и есть предел. Конец и начало. Так выглядят люди, чьи нити, удерживающие их в этом мире, вырваны с корнем. Так выглядят люди, которые поняли одну извечную истину. Там, где все кончается, там и начинается. Они не боятся сделать решающий шаг.

Я слишком сильно натянул.

Я не хотел этого. Игра зашла слишком далеко. Это перестало быть развлечением или заданием, или чем-то еще. Я позволил ей войти глубже, нарушить мои внутренние установки, сделать личным то, что должно было быть только работой. Однако наказание понесла только она. Я был несправедлив и излишне уверен в своем влиянии. Я заигрался. Впервые в жизни признаю свою ошибку. Моя игра была основана на ряде правил, которые удерживали всю постановку, не позволяя спектаклю сорваться в импровизацию.

Нет никакой тайны, специального механизма или секрета в том, что я делаю, прописывая сюжеты в разыгрываемом акте. Но каждому участнику Розариума хочется верить, что я творю волшебство. Им необходим смысл, они мистифицируют то, что не способны понять и проанализировать.

Они пришли ко мне обнаженные, не телом, но душой.

В их жизни не было ценностей, поддержки родных, близких, ни малейшего смысла и планов на будущее, они представляли собой чистый лист, на котором мне предстояло написать историю для каждого.

И я как создатель должен был изобразить на холсте, про-

низанные смыслом, уверенностью, красотой, ощущением безопасности красочные картины. Я сыграл роль волшебника, чародея.

И они поверили мне, как жители страны Оз поверили шарлатану, прячущемуся за ширмой.

Но Лиса не оценила картину, которую я написал лично для нее. Она захотела вырваться прочь, стереть все краски, вернуть девственную чистоту замаранному холсту. Я едва не упустил ее. Всего несколько секунд отделяло ее от падения.

Я починил то, что сломал, но можно ли вернуть обратно в тело душу, которую продолжаешь удерживать за серебряные невидимые нити?

Когда пять лет назад мне не удалось остановить запущенное задание, то подумал: а какого черта? Кальмия может стать для меня тем самым тузом в рукаве, который однажды одним внезапным появлением изменит ход игры.

И я не знаю, кто из нас, в итоге, выиграет.

Обстоятельства изменились настолько, что теперь я не обладаю той самой уверенностью, которая ни разу не подвела меня и помогала двигаться вперед, выше и выше, но сейчас... Сейчас на кону поставлено слишком многое.

И возможно цена впервые для меня неподъемна.

Но Рэнделл Перриш никогда не сдастся, не опускает руки, он принимает вызов и идет напролом, а если ему впервые в жизни суждено проиграть, он сделает это с достоинством и красиво.

Шум подъезжающего автомобиля внизу выдергивает меня из затянувшихся размышлений. Мысли... ничего не могу поделать – я получаю удовольствие от игры со своим собственным мозгом, не меньше, чем с умами других людей. Прищурившись, я пытаюсь узнать человека, выходящего из черного внедорожника. В последнее время я стал хуже видеть, и возможно это связано с привычкой спать с открытыми глазами и частыми головными болями, которые, кстати, могут быть следствием падения зрения. Я ненавижу врачей, если честно. Не могу даже объяснить почему. Замкнутые палаты и закрытые кабинеты – это не причина. Я могу выбрать клинику, где меня примут в тех условиях, в которых я не свалюсь в обморок, не начну задыхаться и блевать на пол, как это случилось в тюремной камере в день моего задержания. Возможно, нелюбовь к врачам вызвана внутренним противоречием, нежеланием отдавать контроль над моим телом кому-то еще. Врачи, они как пилоты самолета и машинисты поезда, о которых я так люблю рассуждать. Я не хочу становиться пассажиром, от которого ничего не зависит. Мне необходим контроль. Контроль над собственным страхом. Жизнь – это всегда риск, и чем меньше ты позволяешь управлять собой, тем больше риск и выше цена, но тем интереснее процесс.

Я слышу, как внизу хлопает дверь. Если дворецкий, которого я нанял не так давно, впустил гостя, значит, пожаловал один из участников Розариума. Через пару минут я слышу шаги за своей спиной, и узнаю их.

Итан Хемптон. Это не спонтанный визит. Не случайность. Пару лет назад Аконит вернулся в Розариум, отдав брата в частную престижную школу в Майами. Сейчас он жил на два города. Выходные проводил в Майами с братом, будни здесь.

Почему он вернулся, спросите вы?

Что самое страшное для любимого питомца?

Вы можете бить его палкой, травить голодом, оставлять на улице в трескучий мороз или под дождем, вы даже можете подарить его, но он все равно будет предан вам.

Так что же самое страшное для любимого питомца?

Когда его спускают с поводка и предлагают свободу.

Только ради упрямства Хемптон провел в своем новом доме с джакузи на берегу океана три года. Уверен, что каждый день его ломало от желания вернуться. Снова обрести цели и ощущение власти над другими людьми в момент выполнения задания. Необходимость служить в крови у всех, кого я собираю за круглым столом Розариума. Они все одиноки и потеряны без моей твердой руки.

– Я ждал тебя через час, Итан. Что побудило тебя приехать раньше? – спрашиваю я, пропуская приветствие.

– Скажи, что то, что на снимках рядом с Нейтоном Беллом во всех утренних газетах не Алисия Лестер.

Я медленно разворачиваюсь, надевая на себя свитер, ощущая тонкие цитрусовые нотки парфюма Кальмии.

– Надо чаще читать газеты, Итан, – отвечаю я будничным тоном, равнодушно скользнув взглядом по бледному лицу Хемптона. – Бэллы не любят, когда их имя фигурирует в СМИ, но, по-моему, это была не первая публикация, где кандидат на пост мэра позировал с женой.

– И ты хочешь сказать, что женой Нейтона Бэлла является Лиса – простое совпадение?

– А ты как думаешь? – спокойно спрашиваю я.

– Ты сказал, что отпустил ее, – резко отвечает мне Итан.

– Тебя я тоже отпустил, – сухо напомнил я, засовывая руки в карманы джинсов и опираясь спиной на ограждение. – Меня все время удивляет твое негодование, когда происходят события, на которые ты мог бы повлиять, но предпочел остаться в стороне.

– Что ты хочешь сказать? – скрипнув зубами, напряженно спросил Итан.

– Ты хотел свободы. Я тебе ее дал. Почему ты не нашел Алисию? Не попытался вернуть?

– После того, что ты сделал с нами?

– Вы сами *это* с собой сделали, не я, – бесстрастно уточняю я. – Не вини меня в вашей собственной слабости и глупости.

– Ты сейчас серьезно?

– Абсолютно, – киваю я, пожимая плечами, рассеяно гля-

дя перед собой. – Итан, Лиса сделала свой выбор, а ты свой. Вы решили пойти разными дорогами. Почему ты винишь в этом меня?

– Ты загнал нас в угол. Ты сделал все, чтобы она меня возненавидела.

– Ненависть – чувство, поддающееся трансформации, изменению. Им можно управлять. Ты даже не попытался. Сейчас слишком поздно, Итан. Твоя истерика несколько запоздала.

– Я не верю в случайные совпадения, – тряхнул головой Хемптон, глядя на меня с нескрываемой злостью. Это так знакомо и предсказуемо. Я скучал по нашему противостоянию. Старые времена возвращаются. Мне хочется потерять ладони в предвкушении последней партии, в которой слишком много ключевых игроков. – И ты сам меня этому научил. Твое спокойствие сейчас, когда идет предвыборная гонка, подтверждает мои опасения. У тебя есть план. Ты собираешься снова ее использовать, чтобы обеспечить победу Мартину? Кто он такой? Почему ты его так упорно продвигаешь?

– Мартин один из вас, – пожав плечами, будничным тоном сообщаю я. – Но у него есть репутация и положение в обществе, его родителями были потомки английской аристократии. Он не плебей, и его успешная карьера дает ему большие шансы на победу. Мартин много лет занимается благотворительностью, активно участвует в развитии города. Он самый молодой окружной прокурор, который, к тому же, не совер-

шает грубых ошибок, свойственных другим его коллегам, не берет взяток и всегда принимает верные решения. Его знают и уважают жители Кливленда. Я перечислил достаточно причин?

– И чем ты зацепил его? – проницательно интересуется Итан.

– Даже у людей с кристальной репутацией есть скелет в шкафу. Мне просто повезло однажды оказаться в нужное время и в нужном месте. Я помог ему решить проблему. Все достаточно банально, Итан. Обычная схема.

– И ты уверен, что он не предаст тебя, не уберет, как ненужный элемент, когда получит власть?

– Ты, правда, считаешь, что меня можно убрать? – снисходительно спрашиваю я. – Если бы это было так, то Гарольд Бэлл давно бы избавился от меня.

– Я не могу поверить, что Лиса работает на тебя, – взъерошив волосы одной рукой, выдохнул Хемптон, доставая из кармана кожаной куртки пачку сигарет. – Не после того, что случилось. Это просто немыслимо.

– Ты сам ответил на свой вопрос, Итан. – Я натягиваю уголки губ в холодной улыбке. – Если не веришь, можешь спросить у нее сам. Вы совсем немного разминулись.

Сигарета вываливается из дрожащих пальцев Хемптона.

– Черт, Итан, да не смотри ты так на меня, – иронично ухмыляюсь я. – Раз уж обстоятельства сложились так удачно, я не мог не воспользоваться ими. Я просто спросил у Алисии,

не обладает ли она кое-какой полезной для меня информацией, и она категорично и не очень тактично мне отказала.

– Ты... – тяжело дыша, начинает Итан. От ярости у него раздуваются ноздри и выступают вены на висках. Забавное зрелище... – Не знаю, как, но это ты подсунул Лису Нейтону. Я же не идиот, чтобы поверить, что они случайно встретились в кафе и сразу полюбили друг друга. Что из пятисот тысяч жителей Кливленда Лиса встретилась в этом гребаном кафе именно с ним.

Я не удержался от усмешки.

– Почему ты решил, что это было кафе? Лиса устроилась на работу в «Бэлл Энтерпрайз».

– И это произошло не без твоего участия? – кривая ухмылка вносит асимметрию в правильные черты лица Хемптона.

– Думаешь, моя протекция оставила бы для нее хоть один шанс на успех в собеседовании? – скептически интересуюсь я.

– Черт, не делай из меня идиота, – раздраженно бросает Итан. – Ты мог провернуть это чужими руками.

– Снова включил спасителя, Итан? – насмешливо спрашиваю я, вдернув бровь. – Давай, беги, спасай свою принцессу от серого волка. Но не забудь, что у нее есть муж и маленькая дочь. Не переусердствуй, Итан.

– Я сам решу, что мне делать, Рэнделл, – вспыльчиво отвечает Итан.

– Конечно, – я вливаюсь в него ироничным взглядом. – *Ты всегда принимаешь решения сам.*

– Ты можешь сколько угодно оттачивать свое красноречие, Рэн. Но знаешь, что в сложившейся ситуации разитель-но отличается от того, что произошло четыре года назад?

– Просвети меня. Безумно интересно послушать.

– Она больше не уличная девчонка, за которую некому постоять. За ее спиной стоят Бэллы. Они обладают доставоч-ным влиянием, властью и ресурсами, чтобы отразить любую твою попытку манипуляции.

– А ты не думаешь, что львы, пустившие в свою клетку ягненка, почувствовав опасность, не защищать его будут, а растерзают? – сделав паузу, я выразительно смотрю на побледневшего Хемптона, не в глаза, а в область переносицы. – Ты все еще веришь, что сложившаяся ситуация сейчас бла-гоприятнее той, что произошло четыре года назад, Итан?

Глава 4

Нейтон

Мне нравится возвращаться домой. Неважно, сколько времени на часах. Поздний вечер или без пяти минут утро, я всегда знаю, что меня ждут. Реджина не ложится спать без меня. Укладывает Эсми, потом садится на диван в гостиной и читает, или смотрит телевизор... и ждет меня. Каждый раз, паркуя машину, и глядя на горящие тусклым светом окна в гостиной, я испытываю чувство благодарности за тот случай, что свел нас вместе. Сразу после рождения Эсми, мы купили довольно скромный, но уютный домик в закрытом частном поселке на западном берегу реки Кайахога. Тихое престижное место с пропускным режимом. Реджина настаивала на том, чтобы выбрать особняк подальше от моих родителей, но нам удалось найти компромисс, точнее, я смог настоять на своем. Семейные владения Бэллов располагаются вниз по реке, в пяти километрах от нас. С матерью и другими многочисленными родственниками и друзьями семьи Реджине удалось найти подобие взаимопонимания, но с отцом они невзлюбили друг друга с первого взгляда, хотя оба всегда старательно соблюдают светские приличия во время семейных сборищ. Надо заметить, что после рождения дочери Джина сильно изменилась и стала менее дружелюбной и общительной, полностью растворившись в заботе об Эсми.

Ее безумно тяготят посещения светских приемов и официальных мероприятий, которые она избегает, если есть такая возможность. Реджину с самого начала напрягало, что нас постоянно окружают много людей, знакомых и случайных. Я не простой офисный клерк, с которым можно затеряться в толпе, и Джине приходится непросто, но она старается и всячески поддерживает меня. Уверен, мое решение баллотироваться не обрадовало ее, но она делает все возможное, чтобы морально меня поддержать. Не устраивает сцен, когда я задерживаюсь допоздна или прихожу на рассвете. Она видит, как непросто мне приходится со всей этой предвыборной суматохой, и относится к происходящему с пониманием.

– Я дома, – произношу громко, закрывая за собой входную дверь. Черт, Эсми спит, а я разорался. Осторожно разубаюсь, стараясь не шуметь, и прохожу в гостиную. Телевизор транслирует канал с круглосуточными новостями, бросая разноцветные блики на противоположную стену. Реджина сидит в кресле, поджав под себя ноги и смотрит в одну точку на потолке, запрокинув голову вверх. Я подхожу ближе, но Реджи не реагирует на звук моих шагов. Она выглядит безумно уставшей и подавленной.

– Малышка, ты в порядке? – спрашиваю я тихо. Кладу руку на ее плечо, и она вздрагивает от неожиданности, фокусирует на мне отсутствующий взгляд. Тревожное ощущение появляется в груди, когда я замечаю тени под красивыми глазами жены. – Тяжелый день?

– Это я должна задать тебе этот вопрос, – тихим, уставшим голосом произносит она, натянуто улыбаясь. Но это не та улыбка, к которой я привык, напряженно замечаю я. – Ты снова поздно.

– Да. Прости. Нужно немного потерпеть. После выборов станет легче.

– Я так не думаю, но ты принял решение. Мне остается только помогать тебе во всем и не ворчать по пустякам, – говорит она мягко, но как-то механически. Внутри зарождается тревожное ощущение, и я пристальнее всматриваюсь в красивые черты ее лица. У всех бывают моменты, когда не хочется улыбаться, даже через силу, и моя жена несомненно имеет право на плохое настроение. Однако так непривычно видеть ее такой тихой и подавленной.

– Не встречал женщину мудрее тебя, – с чувством произношу я, прикасаюсь ладонью к ее щеке. Реджина прикрывает глаза, и я мне кажется, она вот-вот расплачется. Сажусь на подлокотник кресла и обнимаю ее обеими руками.

– Неправда, Нейт. Твоя мать самая мудрая на свете женщина, – шепчет она, утыкаясь носом в мою грудь.

– Я передам ей твои слова, – перебирая ее волосы, с улыбкой говорю я.

– Она и сама это знает. Только мудрая женщина могла бы прожить тридцать лет в браке с твоим отцом, – иронично замечает Джина. В чем-то она, конечно, права. Гарольд непростой человек, но ему по статусу положено быть снисходи-

тельным, жестким и подозрительным.

– Это точно. Как вспомню, сколько нам пришлось воевать с ним, чтобы заставить его принять наш брак.

– Не обольщайся, Нейт. Гарольд так его и не принял. Я для него пустое место.

– Ты придумываешь, – сдержанно отвечаю я, качая головой. Мне не нравится, когда она заводит разговор о моем отце в таком тоне. Каким бы снобом он ей не казался, для меня Гарольд Бэлл предстает в совершенно другом образе. И он мой отец, в конце концов. Женщины не должны обсуждать подобные вопросы. Возможно, я тоже буду не самым добрым тестем для мужа своей дочери. Я не оправдываю его, вовсе нет, но и не отрицаю, что на его месте может быть вел бы себя точно так же.

– Нет, не преувеличиваю. Но мне абсолютно безразлично, что он думает обо мне, – бесстрастно отвечает Реджина. Она лукавит. Я знаю, что ее сильно уязвляет отношение Гарольда. Но это то, на что я не могу повлиять, как бы ни хотел. Я женат уже много лет, у меня замечательная дочь, а Гарольд до сих пор не может мне простить, что я выбрал девушку из «низов», как он выражается. Отец счел мою скоропалительную женитьбу у него за спиной верхом глупости, и даже рождение внучки его не смягчило. Первые два года мы с ним практически не общались. Только по работе и на семейных праздниках, где положено появляться всем без исключения. Для Реджины такие вылазки стоили огромных

моральных сил и выдержки. Не только отец считал, что она мне не подходит. Но разве им решать, с кем мне жить? Кого любить?

Реджина делает меня счастливым каждый день. То, что она мой человек, я понял через неделю знакомства. Или даже сразу. Как в первую встречу, так и до сих пор она является для меня непознанным неразгаданным совершенством. В ней есть все те качества, которыми должна обладать настоящая женщина. Красивая. Умная, внимательная, нежная, отличная мать, страстная любовница, интересная собеседница, чуткая, утонченная, обладающая чувством стиля. Я могу перечислять до бесконечности ее достоинства, и надеюсь, что она не меньше положительных качеств находит во мне.

Я помню, как она была напугана в самом начале. Как боялась сблизиться, но мне пришлось проявить настойчивость, и первый наш совместный поход в кино (признаться, я даже не помню, что это был за фильм), закончился горячей, безумной, страстной ночью в моей квартире. Я больше не позволил ей уйти. Только за вещами. Поехал вместе с ней, чтобы она не сбежала. Реджина не хотела быстро сдаваться, просила дать ей время, но я... не дал никакого времени. Она была мне нужна. Вся. В любое время дня и ночи.

Я помню, как впервые увидел ее голой. Это случилось не в первую ночь, которую мы провели при выключенном свете. А вечером следующего дня, когда моя гардеробная уже была заполнена ее вещами. Она пыталась закрываться, про-

сила не снимать с нее все, но я настоял. То, чего стыдилась и стыдится моя жена до настоящего времени, до сих пор делает меня одержимым ее телом, стоит нам оказаться в одной постели. Я не хочу думать о том, что тот, кто делал ей татуировки, видел нежную кожу Реджины, прикасался к ней, причинял боль. Я выучил каждый красно-черный лепесток на теле жены, и я не позволяю ей прятаться в одежду, когда мы одни. Реджина невероятно прекрасна. Когда на приемах и вечеринках она стоит рядом со мной, облаченная в закрытые подобранные со вкусом стильные платья, я вижу сколько мужских взглядов жадно наблюдает за каждым ее движением. Я злорадно думаю о том, что они все долбанные неудачники, которым никогда не выпадет случая увидеть то, что вижу я, снимая с нее платье в нашей спальне. Долгое время мы были очень обсуждаемой парой в узких кругах. Стремительный роман, закончившийся свадьбой спустя пару месяцев после первой встречи – для кого-то мой выбор мог показаться легкомысленным, но я никогда не был так уверен в том, что делаю, как в момент, когда попросил Реджину выйти за меня. Это действительно было спонтанным решением. Она забеременела, а я обрадовался, заполучив возможность сделать ее своей навсегда.

– Ты голодный? – спрашивает Реджина, вернув меня из мира размышлений и приятных воспоминаний.

– Я валюсь с ног, сплю одним глазом, – отвечаю я. – Но есть не хочу. Нет сил.

– Я могу подогреть...

– Нет. Пойдем спать. Мне вставать через три часа.

– Тебе нужен выходной, – мягко произносит Реджина. Мы встаем и, держась за руки, направляемся в спальню. Она раздевает меня, и мы вместе принимаем душ. Я позволяю ей делать со мной все, что она пожелает. Хотя уверен, что Реджина делает именно то, что желаю я. Мы думаем друг о друге. Идеальный брак работает именно так. Когда желания любимого человека для тебя важнее своих собственных. Реджи намыливает мое тело мягкой мочалкой, ласкает меня пальцами и губами.

– Это вовсе не обязательно, – бормочу я, когда она опускается на колени, чтобы сделать фантастический минет. Другой у нее просто не получается. Всегда фантастический. – Ох, крошка, – стону я, зажимая рот кулаком и откидываясь спиной на влажную стену душевой кабинки, второй рукой зарываюсь в темные мокрые локоны Реджины, направляя ее в необходимом ритме, но она и так знает, как я люблю.

И когда на мужских вечеринках друзья жалуются мне на своих холодных жен с вечными отговорками, то я в очередной раз убеждаюсь насколько мне повезло с Реджиной.

– У тебя волшебный губы, – благодарно шепчу я, когда она снова выпрямляется в полный рост, вытирая рот. Меня немного потрясывает после оргазма, и все, чего я хочу теперь – это доползти до постели и вырубиться. – Но я больше сегодня ни на что не годен. Завтра моя очередь, малышка, –

обещаю я.

– Все в порядке, Нейт. Тебе нужно отдохнуть, – мягко говорит она, выключая душ и вытирая мое тело полотенцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.